

Секреты

Автор:

[Даниэла Стил](#)

Секреты

Даниэла Стил

Миры Даниэлы

Сериал «Манхэттен», обещающий стать новой сенсацией праймтайма.

Его создатель Мелвин Векслер, закаленный и победами, и поражениями, подобно царю Мидасу, превращает в золото все, к чему прикасается.

Его актерский состав: сорокапятилетняя Сабина Куорлс, сильная, энергичная и самодостаточная, жаждущая славы и упорная, однако так и не пробившаяся в высшие сферы Голливуда. Тридцатидевятилетняя красавица Джейн Адамс, скрывающая под маской счастья и успеха правду о том, что она – затравленная жертва мужа-тирана. Зак Тейлор – кумир глянца, талантливый профессионал, один из самых завидных холостяков Голливуда... и человек, которому есть что скрывать. Габриэль Торнтон-Смит – хорошенькая старлетка с туманным прошлым, метящая в большие звезды.

И восходящий секс-символ ТВ Билл Уорвик, чье будущее – как и будущее всего сериала – повиснет на волоске, если станет известно о тайне молодого актера...

Даниэла Стил

Секреты

Danielle Steel

Secrets

© Danielle Steel, 1985

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Глава 1

Солнечные лучи, отражаясь от стен домов, вспыхивали яркими искрами огней, словно рассыпанные по айсбергу бриллианты. Сверкающая белизна слепила. Сабина, обнаженная, лежала в шезлонге под жаркими лучами лос-анджелесского солнца. Кожа ее, смазанная маслом для загара, блестящая, уже приобрела медово-золотистый оттенок. Позже она спустится вниз, в бассейн, чтобы немного остыть, но сначала надо соблюсти привычный ритуал. Каждое утро Сабина загорает, лежа на спине, при этом свою роскошную гриву светлых волос бережет от солнца, глаза тоже прикрывает тампонами; лицо она смазывает кремом и покрывает влажной салфеткой, чтобы не проявились незаметные шрамы от прошлогодней пластической операции. По той же причине кусочками увлажненной марли прикрыты груди. Сабина перенесла три очень удачные пластические операции. Первую – в тридцать восемь лет, просто чтобы разгладить небольшую морщинку между бровями и подтянуть веки. Вторую – в сорок один год, тогда хирурги увеличили ее грудь, придав ей полноту и идеальную форму, которой не было даже в шестнадцать лет. Последняя операция, сделанная год назад, несколько повторяла первую, была также чуть-чуть подтянута кожа над ушами. Когда у Сабины выдавался хороший день, она выглядела на тридцать пять, если выдавался отличный – на тридцать один, а в «глазке» камеры порой и того моложе... порой... если работал хороший оператор. Сабине Куорлс было сорок пять лет. Ее тело было совершенно. Каждое утро она в течение часа делала зарядку, три раза в неделю посещала массаж, ежедневно пополудни плавала и ходила пешком две мили. Именно ходила

пешком, а не бегала трусцой. Она не была дурой. Не для того же она потратила пять тысяч на свой бюст, чтобы от бега по бетону Беверли-Хиллз он снова обвис.

Сабина носила платья с глубоким вырезом, демонстрируя предмет своей гордости – покрытое медовым загаром тело без всяких следов возраста. Юбки у нее также были с высоким разрезом, и на то была веская причина. Большинство женщин готовы были бы отдать полжизни за такие ноги, как у Сабины. Ими ее одарила не пластическая хирургия. Ими ее одарил Бог. Он вообще одарил ее многим. Пожалуй, он был более чем щедр по отношению к Мэри Элизабет Рэлстон, родившейся в Хантингтоне почти полвека назад. Ее отец был шахтером, а мать – официанткой в закусочной, которую посещали в основном водители грузовиков и над которой всю ночь мерцала неоновая надпись «КАФЕ». Отец Мэри Элизабет умер, когда ей было девять лет, мать потом еще три раза в течение семи лет выходила замуж, похоронила еще двух мужей, а затем и сама умерла, когда дочери было семнадцать. Ничто больше не держало Мэри Элизабет в Хантингтоне, она села в автобус и направилась в Нью-Йорк. Фактически в тот день Мэри Элизабет Рэлстон умерла. В Нью-Йорке она стала Вирджинией Харлоу – такой псевдоним ей тогда показался эффектным. Какое-то время она зарабатывала на жизнь профессией манекенщицы, потом попала в кордебалет одного внебродвейского шоу и думала, что достигла пика своих жизненных возможностей, пока кто-то, когда ей был двадцать один год, не предложил роль в кино. В то время волосы у нее были черными как смоль. Она тщательно красила их, чтобы замаскировать более светлый цвет у корней и подчеркнуть зеленый цвет своих миндалевидных глаз. Для съемок в фильме ей не выдали костюм, а, наоборот, велели раздеться вместе с двумя другими девушками и парнем в ужасно холодном складском павильоне в Нижнем Ист-Сайде. Это была роль, о которой она больше и вспоминать не желала. Никогда. Жизнь Вирджинии Харлоу оказалась даже короче, чем жизнь Мэри Элизабет Рэлстон. Была еще пара подобных ролей, работа в стриптизе в Вест-Сайде, но ей хватило ума понять бесперспективность подобных занятий.

Новый псевдоним – Сабина Куорлс – попался ей на страницах оставленного кем-то в раздевалке журнала; сэкономленных денег хватило на билет до Лос-Анджелеса. Ей было двадцать четыре, и она знала, что время почти упущено. Почти, но не совсем. Черную краску для волос она оставила в Нью-Йорке и покорять Калифорнию прибыла блондинкой. В течение трех недель она сняла себе комнату и подобрала агента. О своем опыте работы в кинематографе Нью-Йорка она даже не заикалась. То было частью другой жизни, жизни, которую она хотела поскорее забыть. Сабина Куорлс – с этим псевдонимом она больше не расставалась – обладала счастливым умением забывать все неприятное: жизнь в

шахтерском поселке, притон со стриптизом в Нью-Йорке, дешевые порнофильмы, в которых она снималась в Нижнем Ист-Сайде. В Лос-Анджелесе она сначала работала фотомodelью, снялась в нескольких рекламных роликах, пробовалась на студии «Метро-Голдвин-Майер» и «XX век – Фокс» и меньше чем через шесть месяцев получила роль в очень приличном фильме. Потом было еще три эпизодических роли, прежде чем попала настоящая, большая. К двадцати шести годам лицо Сабины было уже хорошо знакомо многим режиссерам. Ее игра не потрясала мир, но и не была плоха: агент нашел педагога, который помогал ей, если возникали сложности. По его рекомендации Сабине удалось получить еще несколько ролей. Когда ей исполнилось двадцать восемь, ее имя и лицо были уже знакомы публике; ее пресс-секретарь следил, чтобы материалы о ней регулярно появлялись в газетах. Случалось, она флиртовала с мужчинами-кинозвездами, а в тридцать лет у нее был роман с одним из популярнейших голливудских актеров. Шансы ее значительно увеличились после того, как она сыграла с ним в одном из фильмов. Успех стоил Сабине большого труда. Конечно, отчасти он был связан с тем, что она порой готова была снять с себя немного больше, чем другие, но при этом в конце концов действительно научилась играть. В тридцать с небольшим Сабина на некоторое время исчезла, а затем снова появилась в сильно разрекламированном фильме, который, по общему мнению, должен был сделать ее звездой. Этого не произошло, но ее имя еще прочнее запечатлелось в сознании зрителей, появились и новые роли – лучше прежних.

Сабина Куорлс упорно работала, чтобы добиться того, чего добилась. В сорок пять она отнюдь не была на вершине успеха, но ее знали в Голливуде, да и любители кино по всей стране после минутного раздумья вспоминали эту актрису: «А-а... да-да... знаю... кажется, она играла в...» Тут следовал неопределенный взгляд, а потом на лице мужчин появлялась хитрая улыбка, выражение похоти. Она была женщиной такого рода, с которыми мужчины мечтают переспать, хотя сама с возрастом стала на удивление разборчивой. Сабина Куорлс обладала завидной выдержкой и неутомимостью. Она держала под контролем все свои дела и контракты, ежедневно звонила своему агенту, упорно работала над ролями и при этом была легкой в общении.

Сабина Куорлс не была примадонной, она была кинозвездой... второго плана, одной из тех, имена которых быстро появляются на небосклоне Голливуда и столь же быстро исчезают, уступая место более молодым. На Сабину Куорлс по-прежнему было приятно смотреть, и хотя ее имя не сулило больших кассовых сборов, оно обещало хорошее настроение мужчинам, приходящим в кинотеатр. Ее привлекательность сейчас была ничуть не меньше, чем в молодые годы. У

мужчин при взгляде на нее появлялось желание протянуть к ней руку, прикоснуться. Сабине это нравилось, хотя позволяла она это делать очень немногим. Так или иначе, ее тело проложило и прокладывало далее ей путь к успеху.

Взглянув на будильник, она грациозно повернулась со спины на живот, привычным движением набрала из баночки крем и снова намазала себе лицо и руки, кожа которых была такой же упругой и эластичной, как на всем теле, – нигде ни миллиметра дряблости.

Телефон зазвонил, когда она уже и так собиралась подняться. Пора было, выпив два больших стакана минеральной воды, спуститься вниз, в бассейн. Сабина машинально взглянула на часы и задала себе вопрос: кто бы это мог быть?.. С агентом она в этот день уже говорила.

– Алло?

Голос Сабины Куорлс соответствовал ее внешности – мягкий, глубокий, сексуальный, он приводил в трепет мужчин, сидящих в темном кинозале.

– Попросите Сабину Куорлс, пожалуйста, – прошептал на другом конце провода голосок незнакомой молоденькой девушки – похоже, секретарши.

– Это я.

Сабина стояла в своей гостиной – высокая, красивая – и одной рукой держала трубку, а другой проводила по роскошным светлым волосам. Никто бы не догадался, что это не ее естественный цвет. Все в Сабине было продуманно и безукоризненно. Всю жизнь она посвятила тому, чтобы стать такой, какой стала. Конечно, ее карьера могла бы быть более успешной, Сабина об этом иногда задумывалась, но она еще отнюдь не сдалась. Она не считала, что время безнадежно упущено, и по-прежнему чувствовала себя на подъеме. Отсутствие больших ролей не особенно ее расстраивало, поскольку деньги она и так зарабатывала неплохие. Месяц назад, например, снялась в ролике, рекламировавшем собольи шубы. Вообще она готова была принять предложения от самых разных компаний за исключением телевидения. До телевидения она никогда не опустится.

– Вас беспокоят из офиса Мела Векслера, – произнесла девушка с достоинством.

Мелвин Векслер был виднейшим режиссером Голливуда, и те, кто работал с ним, купались в лучах его славы, – так, во всяком случае, думала секретарша, судя по ее тону.

Сабина улыбнулась. Пару лет назад она с ним встречалась два или три раза. Мел Векслер, помимо прочего, был привлекательным мужчиной. «Интересно, зачем он звонит?» – подумала Сабина и, мягко ответив: «Я вас слушаю», – окинула взглядом свою гостиную. Квартира была современная, просторная, на Линден-драйв – адрес вполне престижный, – обставленная преимущественно белого цвета мебелью, с двумя полностью зеркальными стенами. Сабина посмотрела на свое отражение: высокая упругая грудь – за такие деньги другой и быть не могло, – ноги длинные и по-прежнему красивые. Она любила разглядывать себя в зеркале, в ее внешности не было ничего такого, что бы ее огорчало или пугало, а если бы и появилось что-то нежелательное, Сабина знала, как с этим справиться.

– Мистер Векслер интересуется: не могли бы вы встретиться с ним сегодня за ленчем? В бистро «Гарденс».

«Почему он не позвонил сам? – недоумевала Сабина. – И почему не сделал этого заранее? Может, речь идет о роли в кино? Хотя фильмов он сейчас снимает мало...»

В течение последних десяти лет Мелвин Векслер снял свои главные хиты на телевидении и гораздо меньше работал в жанре кино. Ему было известно, что Сабина не снимается на телевидении. Всем это было известно. Она при каждом удобном случае повторяла, что телевидение – это барахло. Она Сабина Куорлс и может себе позволить не сниматься на телевидении. Так она говорила агенту, когда возникал подобный вопрос. На рекламные ролики – вроде того, с собольей шубой, – Сабина соглашалась: в них, как она считала, был определенный класс, а в телевидении – нет. Правда, у Мела Векслера класс был, а у нее не было никаких планов на ленч. Часы показывали десять сорок пять.

– В час дня вам подходит?

Секретарше и в голову не приходило, что Сабина может отказаться. Такого просто не случилось, а если кто-то и отказывал, то, во всяком случае, не актеры.

– В час пятнадцать, – парировала Сабина. Это была игра, в которую играли в Голливуде все, и не молоденькой секретарше было с Сабинкой тягаться в ней, обе это знали.

– Хорошо. В бистро «Гарденс», – повторила звонившая, как будто Сабина могла забыть.

– Спасибо. Передайте ему, что я буду.

«Конечно, будешь, милая, куда ты денешься», – подумала секретарша, вешая трубку, тут же связалась по селектору с непосредственной секретаршей Векслера и сообщила, что Сабина Куорлс будет ждать его в час пятнадцать. Векслер, похоже, был доволен, получив эту информацию.

Сабина также выглядела довольной. Мел Векслер... Только теперь она осознала, что не видела его целую вечность. Десять лет назад он даже взял ее с собой на церемонию вручения «Оскара». Сабине всегда казалось, что его влечение к ней было более сильным, чем он это показывал, но оба не предпринимали никаких дальнейших шагов.

Через квадратную, всю в зеркалах прихожую она прошла в ванную комнату и встала под душ. Струи горячей воды приятно покалывали тело. Сабина стала мыть голову, одновременно решая, что бы надеть по случаю ленча с Мелвином Векслером. Все зависело от того, какие мотивы им руководили: работа или что-то личное. Она раздумывала, в каком образе перед ним предстать: то ли восходящей звезды, то ли знойной женщины, – и наконец рассмеялась: оба эти образа были от нее неотделимы. Ведь она была Сабинкой Куорлс, в конце концов, – высокой, стройной, светловолосой и красивой. Векслер ради нее был готов на многое, и она это знала.

Перед тем как выйти из-под душа, Сабина включила ледяную воду, ополоснулась, потом стала вытираться и расчесывать волосы. «Если слишком внимательно не вглядываться, – размышляла она с улыбкой, – мне ведь можно дать лет двадцать пять... ну двадцать восемь... или двадцать девять? Впрочем, какое это имеет значение? Мне бы и четырнадцать подошло, и девяносто

восемь. Главное, что я иду на ленч с Мелвином Векслером!»

Глава 2

Сабина бодро вошла в лифт и нажала кнопку подземного гаража. Маленькая металлическая клетка дрогнула и пошла вниз. В замкнутом пространстве лифта у Сабины иногда возникал страх, что на нее могут напасть, но боялась она лишь одного – вдруг поранят ее лицо или тело. Всем остальным она готова была бы пожертвовать – она редко носила при себе много наличности и не имела особо ценных украшений, а то, что у нее и было, она продала. Сабина находила иное, более важное применение деньгам.

Ездила она на маленьком серебристом «Мерседесе-280 SL», модели, уже снятой с производства и немодной. Эта машина была «породистой», но несколько устаревшей. То же можно было сказать о многих вещах Сабины. Ее одежда прекрасно ей шла и именно поэтому была куплена. Сабина не увлекалась новейшими фасонами. В этот раз на ней была белая шелковая юбка с высоким разрезом по бедру и темно-голубая шелковая блузка, которая подчеркивала ее загар и цвет волос. Верхние четыре пуговицы были расстегнуты – получившееся декольте могло вызвать головокружение у любого мужчины и полностью лишить его дара речи. Волосы Сабина высушила, расчесала и свободно откинула назад. На ногтях, покрытых ярко-красным лаком, был идеальный маникюр.

Машина взревела, выехала из гаража и помчалась по направлению к бистро «Гарденс».

В Вилшире Сабина резко повернула направо, потом еще раз, проехала сквозь высокие чугунные ворота отеля «Беверли Вилшир» и остановилась между двумя его корпусами, ожидая швейцара. Тот появился мгновенно, тепло улыбаясь. Он знал ее уже много лет. Ему нравилось заботиться о ее машине: Сабина не скупилась на чаевые и, кроме того, была чертовски красивой женщиной. Даже просто смотреть на нее ему всегда было приятно. Со своей широкой белозубой улыбкой он открыл дверцу. Сабина вышла из машины.

– Здравствуйте, мисс Куорлс. Вы к нам на ленч?

Она очаровательно улыбнулась.

- Не совсем к вам, но рядом. Вы можете поставить мою машину на стоянку?

Это был риторический вопрос. Он всегда был рад помочь Сабине Куорлс.

- Конечно. Можете не беспокоиться.

Швейцар вручил ей корешок квитанции, и она ушла, одарив его улыбкой, от которой он почувствовал себя счастливым и важным. Он взглядом проводил Сабину, пока та не скрылась за поворотом. Сабине было бы приятно видеть эффект, который она произвела на него и еще на четверых мужчин, которые, глядя на нее, просто разинули рты. Только один из них узнал ее, но дело было не в этом. Мужчины обращали внимание на Сабину не как на актрису, а как на женщину, на ее внешность, походку, на шарм, который в ней был. Конечно, она могла еще успеть сделать карьеру. Все, что ей было нужно, - это подходящая роль. И хороший режиссер.

На Вилширском бульваре Сабина, пережидая красный свет светофора, взглянула на часы. Было уже без десяти час. «Вроде успеваю, но надо поторопиться», - подумала она. Однако ее наряд требовал еще одной детали, Сабина знала какой. Все ее действия всегда были точно рассчитаны.

В нескольких шагах от перекрестка, на Родео-драйв, виднелся желто-белый полосатый тент над витринами магазина «Джорджио», святого места для всех красавиц Голливуда. Сабина нырнула в дверь на углу и направилась прямо к шляпному отделу, напротив которого был бар. Бармен окинул ее знающим взглядом.

- Не желаете аперитив, мадам?

У него был французский акцент. Ему, должно быть, осточертели красотки, которых он ежедневно видел, но Сабина была из числа самых лучших. Она с улыбкой отказалась и стала примерять две шляпы, одна из которых ей как раз подошла. В этот момент появилась продавщица, посмотрела на Сабину, пытаясь вспомнить, как зовут покупательницу, поскольку знала, что видела ее здесь раньше. Но Сабина редко бывала в «Джорджио»: для нее это было дорого. Она покупала здесь платья только по особым случаям, как тогда, когда ходила с

Мелом на церемонию вручения «Оскара». Появлялась она в этом магазине раз в год, а то и реже. Девушку-продавщицу вдруг осенило. Она вспомнила.

– Что вам угодно, мисс Куорлс?

– Я возьму эту шляпу.

Сабине, похоже, нравилась покупка. Это была соломенная шляпа с большими полями, которая идеально ей шла. Надвинутая на лицо, она придавала некоторую таинственность, усиливала природную сексапильность Сабины и в то же время не скрывала ее потрясающих изумрудных глаз, позволяла играть ими. Это был именно тот аксессуар, о котором и думала Сабина: получалось прекрасное сочетание с темно-голубой шелковой блузкой, юбкой с высоким разрезом и ароматом духов. Часы показывали пять минут второго.

– Можно предложить вам еще что-нибудь? Мы только что получили очень красивые шелка и замечательные вечерние платья к осеннему сезону...

Пятидесятидолларовая покупка казалась продавщице слишком скромной, но Сабина планировала именно ее. «Мел гораздо больше потратит на ленч, – подумала она. – И кто знает, что у него на уме. Пятьдесят баксов можно пожертвовать ради карьеры. Я могу себе это позволить».

– Нет, это все, спасибо.

– У нас новые модели Жаклин де Рибес...

Сабина улыбнулась:

– Я только на прошлой неделе купила три у «Сакса».

На три модели Жаклин де Рибес ушла бы половина ее прошлогоднего дохода, но продавщица не сдавалась:

– У нас несколько исключительных вещей, специально для нашего магазина. Фред сам выбирал их из ее коллекции в Париже.

Фред Хайман был известным человеком, менеджером лучшего магазина на Родео-драйв, но даже упоминание его священного имени не впечатлило Сабину. Она взглянула на часы. Час десять.

– Мне надо идти. Я опять зайду к вам после ленча, – сказала она, а про себя добавила: «Или в следующем году. А может, и на следующей неделе, если он мне предложит большую роль в своем новом фильме».

Выражение глаз Сабины свидетельствовало, что спорить с ней бесполезно. Казалось, они говорили: «Дай мне эту чертову шляпу, а то я сейчас уйду». Но шляпа была ей нужна для ленча с Мелом, и не просто нужна, а необходима. И девушка поняла, что настаивать не надо.

– Конечно, мисс Куорлс. Может, для вас что-нибудь отложить?

«Господи, она никогда не отстанет», – подумала Сабина.

Девушка тем временем наконец исчезла со шляпой – пошла регистрировать покупку. Когда она вернулась, было пятнадцать минут второго. Сабина осторожно надела шляпу, придала ей нужное положение и отбросила назад волосы. Эффект был потрясающий: многие оборачивались, когда она выходила из магазина и спешила от Родео к Беверли, пройдя потом еще один квартал до Норс-Кэнон-драйв. На часах было час двадцать одна минута, когда Сабина подошла к бистро «Гарденс». Она стремительно вошла внутрь, сильная, красивая, не обращая внимания на восхищенные взгляды и повернутые в ее сторону головы. Это была привычка здешних завсегдатаев – не упустить никого: Грегори Пека, Элизабет Тейлор, Мерил Стрип... Всех надо было рассмотреть и обсудить. Но на этот раз комментариев, обычного шепота не было, публика только поглазела на нее, и все. Навстречу Сабине, лавируя между столиками, быстро направился метрдотель. Элегантный интерьер бистро «Гарденс» украшало множество цветов, яркие зонтики защищали каждый столик от полуденного солнца.

– Мадам?

Это был и вопрос, и обращение одновременно. Метрдотель улыбался.

– Я приглашена на ленч с Мелвином Векслером, – объяснила Сабина, взглядываясь в лицо метрдотеля, словно желая выяснить, какой эффект производит шляпа, хотя и так знала, что она срабатывает безотказно, именно так, как ей хотелось.

Со стороны, из-за стоявшего в отдалении столика, за ней наблюдал Мелвин Векслер. Он видел длинные стройные ноги, упругую грудь под голубой блузкой, изумрудные глаза и думал: «Господи, в ней это есть. Я знал, что это в ней есть. Я это вспомнил. Она именно то, что мне нужно. В точности».

Мелвин сам себе улыбнулся, и вдруг она оказалась рядом: стояла и смотрела на него сверху вниз, такая же сексапильная, какой всегда была; может, выглядела даже лучше, а может, это он стал податливее, стал падок на стареющих актрис? Но это не была «бывшая» королева красоты. Сабина Куорлс была женщиной, в высшей степени достойной внимания, можно сказать, 9,9 по шкале Рихтера. Он почувствовал, как у него при взгляде на Сабину что-то приятно шевельнулось внутри. Мелвин встал и протянул ей руку. Рука у него была сильной, рукопожатие – крепким, глаза – пронзительно-голубыми, а волосы седыми, но густыми и ухоженными. Мелу Векслеру было пятьдесят четыре года, но физически он казался гораздо моложе подобно многим мужчинам в Голливуде. Он ежедневно играл в теннис или, по крайней мере, так часто, как только мог, и, как и Сабина, несколько раз в неделю посещал массаж. Пластическим операциям он не подвергался. Он и так выглядел чертовски хорошо для своего возраста и, если бы не седина, спокойно мог выдавать себя за сорокалетнего, чего, однако, не делал.

– Привет, Сабина, как поживаешь?

– Прости, что опоздала...

Она улыбнулась; ее голос показался Мелу более глубоким и сексуальным, чем он помнил. Она села, и ему открылся замечательный вид на ее декольте.

– ...Движение в этом городе становится просто сумасшедшим, – сказала Сабина, а про себя озорно добавила: «Особенно если по пути на свидание покупать шляпы».

Разглядывая ее, Мел вдруг вспомнил, что подмечал в Сабине некоторые кошачьи черты. Она напоминала ему большую грациозную кошку, растянувшуюся на солнышке.

– ...Надеюсь, что ты не слишком долго ждал?

Мелвин взглянул ей в глаза. Он всегда был полон внимания, словно что-то взвешивал, словно что-то важное обдумывал. Его губы тронула улыбка, от которой на протяжении многих лет таяли женские сердца.

– Ради некоторых и подождать бывает не грех.

Сабина рассмеялась. Она вспомнила, как всегда любила с ним беседовать, и не могла понять, почему он так давно ей не звонил. Их пути время от времени пересекались, но в общем-то редко.

– Спасибо, Мел.

Он предложил ей что-нибудь выпить, она после минутного колебания выбрала «Кровавую Мэри» и заметила, что он попивает «Перье». Мелвин выделялся на общем голливудском фоне, он не был пустышкой, а его успех строился на тяжелом труде и таланте. У него был магический дар подбирать людей для своих теле- и кинофильмов. Он редко ошибался. Это была одна из многих причин, вызывавших у Сабины восхищение им. Мелвин Векслер был профессионалом. Но он был также чертовски привлекательным мужчиной. Она знала, что несколько лет назад у него был продолжительный роман с одной из голливудских звезд первой величины. Они были неразлучны, он давал ей роли в трех своих фильмах, но потом в их отношениях что-то произошло, и они больше не встречались. Как и все жители Лос-Анджелеса, Сабина всегда недоумевала, почему они расстались, но Мелвин на этот счет не распространялся, и это Сабине в нем тоже нравилось. Он был гордым, имел характер. И стиль. Он был не из тех, кто публично зализывает свои раны. Мел никогда не говорил о большой трагедии, происшедшей в его жизни. Сабина знала о ней из газет и от друзей. Прежде он был женат на Элизабет Флloyd, в свое время, лет тридцать назад, очень известной голливудской кинозвезде. Они познакомились, когда Мелвин делал только первые шаги на киностудии «Метро-Голдвин-Майер»; Элизабет тоже была начинающей актрисой, она влюбилась в Мела, и спустя пару лет они поженились. Вскоре она взяла короткий отпуск, чтобы родить ребенка.

Однако это оказались близнецы, абсолютно одинаковые девочки, очень похожие на Лиз. Пришлось для ухода за ними отпуск продлить.

Двумя годами позже у них родился мальчик, но в полном составе их семью можно было увидеть крайне редко. Мелвин старался держать детей подальше от репортеров и шумихи, хотя, учитывая популярность Лиз, сделать это было нелегко. Лиз была так красива, что фотографы следовали за ней по пятам. Рыжеволосая, с большими голубыми глазами и матово-белой кожей, она имела фигуру, от которой мужчины рыдали. Элизабет принимала активное участие в борьбе за права женщин и занималась филантропией. В конце концов, они приобрели дом в Бел-Эйр и ранчо неподалеку от Санта-Барбары. Мелвин был идеальным семьянином, вообще он был очень заботлив по натуре, все говорили, что работать с ним – все равно что быть членом его семьи. Он заботился о людях, был очень душевным человеком, обожал Лиз и своих детей.

Каждый год они путешествовали по Европе, а в 1969 году отправились всем семейством в Израиль. Это была незабываемая поездка, и Мел ужасно злился, когда ему пришлось вернуться в Лос-Анджелес на совещание в телекомпании. Руководство посчитало его присутствие обязательным. Он оставил Лиз и детей в Тель-Авиве и пообещал вернуться через четыре дня. Так он рассчитывал, но на работе оказалось гораздо больше сложностей, чем он ожидал: возникли проблемы с его сериалом. В конце концов, он оставил надежду вернуться в Израиль и велел Лиз лететь домой, но она хотела еще пару дней побыть в Париже, как они и планировали на конец их путешествия. Ей было жаль разочаровывать детей. Они сели в самолет авиакомпании «Эл-Ал», а у Мела в это самое время снова было совещание в телекомпании, и ему не давало покоя странное чувство беспокойства. Он посматривал на часы и думал, не поздно ли им позвонить и посоветовать лететь рейсом «Эр Франс» или другой компании, потом стал упрекать себя, что зря беспокоится за них... А через некоторое время ему самому позвонили... из Госдепартамента, и появилось сообщение в выпуске новостей. В самолет сели семь арабских террористов и взорвали его, отправившись на тот свет вместе со всеми пассажирами и экипажем. Погибло двести девять человек, в том числе Лиз, Барби, Дебора и Джейсон... Мелвин в течение нескольких недель ходил как зомби, не в силах поверить, что это все правда; без конца раздумывал, что, если бы он их там не оставил одних... если бы позвонил... Эти «если бы» преследовали его потом многие годы. Это был кошмар, от которого ему трудно было оправиться. Он хотел только одного – умереть вместе с ними. Он долго потом боялся самолетов и почти десять лет никуда не летал. Но случившегося уже нельзя было повернуть вспять... Двенадцатилетние Барби и Деб, десятилетний Джейсон... словно сообщение из

газетной хроники, с той лишь разницей, что это коснулось его.

Бомба террористов унесла всю его семью и перевернула его жизнь. Он с головой ушел в работу и стал относиться к работавшим у него актерам как к своим детям, но родными они ему все равно не были... и другой такой, как Лиз, быть не могло. Никогда. Да он и не хотел, чтобы была. Он жил воспоминаниями о них даже сейчас. Конечно, в его жизни были другие женщины, хотя появляться они стали только спустя продолжительное время после трагедии, а серьезный роман был только один. Мелвин больше не женился и знал, что никогда не женится. У него не было на то причин. Он имел все и все потерял. К жизни он стал относиться философски, а к мишуре Голливуда – мудро, не принимая близко к сердцу. Это был бизнес, которым он занимался, игра, в которую он умел хорошо играть. В его сердце была дверка, которая навсегда захлопнулась после того звонка из Парижа; Мелвина не ослепляла повседневно окружавшая его красота, хотя он с удовольствием назначал женщинам свидания. Но всегда наступал тот самый момент правды, когда он вечером приходил домой или когда они утром от него уходили... момент одиночества и воспоминаний. Именно поэтому он так неистово работал. Это было своего рода бегством, которое ему хорошо помогало. Однако частица его сердца все равно умерла вместе с женой и детьми.

– Чем ты сейчас занимаешься? – спросил он с мягкой улыбкой.

Сабина помнила трагедию его жизни. Но она произошла давно, а Мелвин не демонстрировал своих переживаний. Он никогда не говорил о своей жене или детях, разве что с самыми близкими друзьями. Всех потрясла гибель его семьи. На заупокойном богослужении присутствовали буквально тысячные толпы. Похорон не было, авиалинии не вернули никаких тел. Не осталось ничего. Только воздух. И сердечная боль. И воспоминания. И горе.

– Я слышал, что ты в прошлом году очень здорово сыграла в одном фильме.

Он слышал еще кое-что – что фильм давал плохие сборы, несмотря на хорошие рецензии. Но Мелвин знал, на что способна Сабина. Он видел ее в достаточном количестве лент и точно знал, кто она и что собой представляет. Он хотел взять ее на роль. Хотел гораздо сильнее, чем думала Сабина. Ей можно было даже не покупать шляпу, которая, правда, все-таки произвела эффект. Мелвин с удовольствием разглядывал свою собеседницу, в его глазах вспыхивали веселые искорки. Работа вернула его к жизни, работу он любил и ради нее жил. Он

достаточно долго переживал свою потерю, но в конце концов отодвинул ее на второй план, смирился с ней. Ей более не была подчинена его жизнь, она была подчинена работе, о работе были все его мысли. «Манхэттен» – так называлось его новое детище, к которому Сабина идеально подходила.

Сабина рассмеялась любезности его фразы. Только Мел мог так сказать. Он всегда был джентльменом. Мог позволить себе им быть. Он был на вершине, царил в своей области, телекомпания благоговела перед ним за тот успех, который он ей принес. Мелвин дарил удачу всем: себе, телекомпаниям, спонсорам, актерам. Со всеми он был великодушен. Ему не надо было против кого-либо строить козни. И это тоже делало его привлекательным. Сабина, с улыбкой глядя на Мелвина поверх своего бокала, думала, конечно, не только о его карьере.

– Фильм был бомбой. Хорошей бомбой, но не более.

– У тебя были хорошие рецензии.

Он выжидал.

– Вот-вот. Но хорошими рецензиями нельзя платить за квартиру и за другие вещи.

– Все-таки они имеют значение.

– Скажи это ребятам, которые снимают кино. Им нужна кассовость: чего бы это ни стоило, – а на рецензии им плевать.

Оба знали, что это правда, в значительной степени правда.

– Телевидение в этом смысле лучше, – произнес Мелвин, не меняя выражения лица, хотя понял, что вступил на минное поле, поскольку Сабина резко приподняла бровь. – Рейтинги там значат гораздо больше, чем рецензии в кино.

В самом деле они значили все.

Видно было, что Сабина раздражена:

– Рейтинги не отражают ничего реального – ты, Мел, это так же хорошо знаешь, как и я. Они свидетельствуют только о количестве декодеров – этих черных ящичков, подсоединенных к телевизорам в домах безмозглых болванов. А вы все только и думаете, что о рейтингах. Назови мне хоть одну хорошую работу телевизионщиков.

– Значит, ты не изменила своего отношения к телевидению?

Мелвин с благодушным видом заказал еще бутылку «Перье».

– Это полнейшая ерунда!

Глаза Сабины сверкали из-под шляпы. Она всегда ненавидела телевидение. И каждый раз при встрече говорила об этом Мелу.

Он улыбнулся.

– Но очень прибыльная ерунда.

– Возможно. Но я, слава богу, никогда телевидению не продавалась!

Сабина, похоже, была довольна собой, и Мелвин слегка испугался. Но она еще не читала сценария «Манхэттена». Он знал, что, если только уговорит ее сделать это, все изменится.

– Все не так просто, Сабина. Ты не хуже меня знаешь, что многие кинофильмы не стоят той пленки, которую на них переводят.

Сабина оскорбилась.

– Это глупо, Мел. Не можешь же ты сравнивать кино и телевидение.

– Могу, и, может быть, лучше других, так как занимаюсь и тем и другим. И одно и другое приносит удовлетворение; жанры эти, конечно, совсем разные, но оба имеют свои плюсы. Нет ничего лучше, чем по-настоящему хороший длинный телесериал. Он дает актерам, пожалуй, больше удовлетворения, чем Гейбл

получил от игры в «Унесенных ветром»...

Оба улыбнулись сравнению.

– ...Вот это была картина для тебя, Сабина!

Сабина рассмеялась. Вообще-то она относилась к себе серьезно, но с Мелом можно было над собой и пошутить. При нем люди чувствовали себя непринужденно и спокойно, были веселы, казались в собственных глазах значительными и преуспевающими. Перед этим ленчем он серьезно продумал кандидатуру Сабины. Она пробыла в Голливуде много лет – двадцать, а может, двадцать пять. Посвятив столько лет этому бизнесу, она заслужила большего признания, чем имела. Именно признание было тем, что мог ей дать Мел Векслер или по крайней мере «Манхэттен».

– Спроси, Сабина, любого актера, который сыграл в длинном телесериале, каковы его впечатления. Понимаешь, там ты имеешь возможность из недели в неделю работать с материалом, оттачивать свой характер, свое мастерство. Черт подери, половина актеров, занятых в телесериалах, так ими увлекаются, что потом сами начинают писать к ним сценарии или приступают к их режиссуре.

– Может, они это делают ради самосохранения? – спросила Сабина.

Мел рассмеялся:

– Послушай, тебя кто-то когда-либо обвинял в упрямстве?

– Только мой агент.

– А экс-мужья?

Он забыл эту деталь, но когда Сабина покачала головой, вспомнил. Она была одинокой, как многие актрисы ее возраста и с похоже сложившейся карьерой. Они были слишком заняты собой, своей работой и внешностью, чтобы иметь еще время на мужа, а если какая и решалась на замужнюю жизнь, она редко продолжалась дольше одного сезона. Когда Мел прежде встречался с Сабиной,

его всегда беспокоило то обстоятельство, что она никогда не была замужем. Он скорее предпочитал женщин с опытом более постоянных отношений или даже имевших детей. Это заполняло нишу, которую он не мог заполнить сам. Он не хотел заводить новую семью, поскольку не пережил бы еще одной потери, подобной первой, но любил общение с чужими детьми.

– Я никогда не встречала мужчину, с которым хотела бы соединить судьбу.

Сабина была с ним честна и не скрывала, какова на самом деле, куда стремится и чего хочет. И правда состояла в том, что она была довольна своим образом жизни.

– Это не слишком хорошо свидетельствует о мужчинах, с которыми тебе приходилось встречаться.

Они обменялись понимающими взглядами. Пришел официант, принял заказ. Разговор переключился на более легкие темы, в частности отпускные. У Мела не было планов на лето. Он давно продал ранчо под Санта-Барбарой и, когда чувствовал, что надо отдохнуть, снимал дом у пляжа в Малибу и жил там некоторое время, читая сценарии и просто расслабляясь. Но сейчас ему было не до этого. Он подбирал актеров для «Манхэттена», которому предстояло стать самым популярным и выдающимся сериалом.

– А как насчет тебя, Сабина, ты никаких путешествий не планируешь?

Она неопределенно покачала головой, ковыряя вилкой салат, и снова взглянула на него из-под своей широкополой шляпы. На мгновение она показалась Мелвину очень ранимой и незащищенной. Он не помнил, чтобы у Сабины прежде был такой вид. Ему хотелось крикнуть: «Остановись, мгновение!» – так хороша была Сабина в этот момент. Но она тут же улыбнулась и пожала своими великолепными плечами:

– Мне надо на несколько дней поехать в Сан-Франциско, а вообще я все лето буду здесь.

Мелвин знал, что Сабина не работает и, в сущности, не работала с тех пор, как снялась в прошлогоднем фильме. Он задавал себе вопрос, очень ли она огорчается, что все так получилось, или довольствуется малым. Последний

вариант казался ему маловероятным для такой женщины, как Сабина. Он рассчитывал, что она хоть немного переживает за свою карьеру.

Мел подождал, пока подали кофе, и только тогда деликатно затронул тему:

– Знаешь, я подумал, что ты ради меня согласишься прочитать сценарий...

Глаза Сабины тепло засветились. Она надеялась, что будет нечто в этом роде. Или это, или предложение нового свидания. От такого варианта она тоже не отказалась бы и вообще не знала, что предпочла бы: Мела, роль в его фильме или и то и другое вместе. Впрочем, фильмы Мелвин теперь снимал редко, тем более лестно было сознавать, что он подумал о ней. Независимо от того, во что вылилась бы эта встреча, Сабина радовалась. Голливуд ведь маленький городок, и если его жители даже чего-то не знают, то о многом догадываются, многое сами додумывают. Голливуд полон сплетен, слухов и плохо скрываемых секретов.

– Конечно, с удовольствием. Ты что, замышляешь съемки нового фильма?

– Не совсем так...

Не имело смысла говорить ей неправду. Сценарий был у него в кейсе под стулом. Оставалось только вручить его после ленча Сабине, если она согласится прочесть.

– ...Я замышляю новый сериал.

Ее зеленые глаза закрылись, словно двери в Изумрудный город.

– Тогда на меня не рассчитывай.

– Я надеялся, что ты, Сабина, его по крайней мере прочтешь. В этом ничего плохого нет.

Голос у него был сильным, но добрым, полным соблазнительных ноток. Сабина чувствовала тягу к Мелу уже оттого, что сидела с ним рядом за столиком.

- Ты умеешь убеждать, но в моем случае это будет пустая трата твоего и моего времени.

Сабина старалась говорить вежливым тоном, но было очевидно, что сериалы ее не интересуют.

- Я могу пожертвовать своим временем...

Он хотел добавить: «И ты тоже», - но не сделал этого.

- ...Сколько времени у тебя займет чтение сценария? Думаю, что ты, как и я, найдешь его хорошим и не пожалеешь.

Она улыбнулась и покачала головой.

- Для тебя, Мел, я готова почти на все, но не на это. Я знаю, чего ты хочешь: чтобы он меня увлек, - но так не случится.

- А если случится?

- Я все равно не буду сниматься в сериале.

- Почему?

- Просто из принципа. Я не хочу работать на телевидении.

- Послушай, но ты же играешь не для себя. Я бы тебя сюда не пригласил, если бы не знал, что эта роль как будто специально создана для тебя. Героиня так на тебя похожа, словно с тебя писалась. Я смотрю на тебя и вижу Элоизу Мартин. Сериал будет называться «Манхэттен», это не будет просто какой-то там сериал, он будет блистательным, великолепным и дорогим. Он оставит заметный след в американской телеиндустрии, а ты идеально подходишь для роли в нем. Вместо того чтобы тебя сюда приглашать, я мог бы позвонить твоему агенту и предложить ему заманчивые контракты, но я не хотел этого делать. Я хочу, чтобы ты полюбила эту женщину, увидела то, что вижу я: как она на тебя похожа, - а потом можем поговорить обо всем остальном. Я ценю твои принципы, поверь мне, но я вижу еще кое-что. Я вижу дальнюю перспективу, то,

что может принести эта роль тебе, твоей карьере. Через год ты можешь стать всеамериканской знаменитостью. Это сейчас трудно себе представить, но я знаю, что «Манхэттен» откроет такую возможность. В последние годы я не слишком часто ошибался – только бы не сглазить...

Он постучал по деревянной столешнице и улыбнулся Сабине.

– ...Уверен, что и в этот раз не ошибаюсь. Я в самом деле хочу, чтобы ты его прочла. Этот сериал мог бы поднять тебя на вершину твоей карьеры, а ты, Сабина, этого заслуживаешь.

Мелвин говорил так, будто был убежден в каждом своем слове, но на Сабину его уговоры, похоже, не действовали.

– А если он провалится?

– Этого не будет, но даже если бы так случилось, он все равно будет не хуже твоего последнего фильма. И ты не погибнешь, и мы тоже. Но он не должен провалиться, Сабина. Он должен иметь бешеный успех. Он драматичен, напряжен и блистателен. Он нисколько не слащавый и не глупый. Раз в неделю шестьдесят миллионов человек будут смотреть на тебя. Смотреть и восторгаться. Твоя жизнь круто изменится. Навсегда. Я абсолютно в этом уверен.

Слова Мелвина звучали так убедительно, что Сабина в какую-то минуту уже была готова поддаться соблазну прочесть сценарий, просто чтобы узнать, что Мел такое замышляет, что будет якобы совершенно не похоже на все остальное. «Черт возьми, мне же абсолютно нечего делать, кроме как лежать на террасе, периодически спускаться в бассейн и отвечать на телефонные звонки, – подумала она. – Что такого, если я его прочту, в конце-то концов?»

Сабина улыбнулась, засмеялась и подняла глаза на Мела Векслера:

– Неудивительно, что ты добиваешься таких успехов, Мел. Ты умеешь продать свой товар.

– Мне, Сабина, даже не нужно этого делать. Когда ты прочтешь сценарий, поймешь, что я имею в виду. «Манхэттен» – это ты, от начала до конца.

– Ты будешь делать анонс?

На этот раз рассмеялся Мелвин:

– Не особенно ты мне льстишь, дорогая. Даже телекомпания ко мне не так жестока. Нет, я не буду делать анонс.

Мел Векслер был настолько надежным режиссером, что никто не требовал от него анонсов.

– ...Мы начнем с трехчасовой премьеры, а потом будем еженедельно выдавать по часовой серии. Хочется, чтобы начало имело большой резонанс, и оно таким будет.

– Я могла бы прочесть сценарий, но только, пожалуйста, Мел, не строй иллюзий. В моем отношении к телевидению ничто не изменилось.

– Хорошо.

Он протянул руку под стул и извлек сценарий трехчасовой премьеры.

– Этого вполне достаточно. Я буду тебе очень признателен, если ты его прочтешь.

«Я буду тебе очень признателен» – замечательная фраза, – подумала Сабина, – и очень в стиле Мела. Признателен. Он признателен, а мне чертовски повезло. И мы оба это понимаем».

– ...Я очень хотел бы знать, что ты об этом думаешь. Слава богу, мы оба прочли достаточно сценариев, чтобы научиться в них разбираться.

Он приравнял ее опыт к своему, и сделал это не случайно. Сабина вдруг осознала, какой он великолепный специалист. В самом деле, он был гением – и в том, что касается общения с людьми, и в своей области. Ленч с Мелом доставлял

Сабине большое удовольствие... и вселял надежду на новую встречу с ним. «По крайней мере, – думала она, – если я прочту сценарий, у меня будет предлог снова с ним увидеться».

– И еще. Я не хотел бы тебя этим соблазнять, да, может, тебе это и безразлично, но костюмы для нас создает Франсуа Брак, в Париже. Исполнительница роли Элоизы Мартин проведет там месяц на примерках в его Доме моды, а потом может оставить все наряды себе в собственность.

Как ни старалась Сабина сдержаться, глаза у нее загорелись. Это было очень заманчивое предложение, не говоря уже о гонораре, который платили бы за работу. О многих проблемах можно было бы надолго забыть. Может, даже навсегда.

– Не предлагай мне столько соблазнов сразу, Мел.

Она рассмеялась своим чувственным смехом, а Мелвин ощутил странное легкое волнение – как от удачного, он надеялся на это, исхода переговоров, так и просто от присутствия Сабины рядом. Она была восхитительной женщиной, и именно поэтому он хотел, чтобы она играла в его сериале. Он всегда так считал, а сейчас в этом снова убедился. Но в данный момент ему приходилось себя одергивать и напоминать, что она нужна ему для сериала, а не для собственного удовольствия.

– Сабина, я мог бы предложить тебе гораздо больше соблазнов, но хочу, чтобы ты сначала прочла сценарий.

Мел подтрунивал над ней, однако Сабина тоже была мастером этой игры.

– А я думала, что ты пригласил меня на ленч, потому что вдруг обнаружил, что я – главная любовь твоей жизни.

Она шутила, но выражение ее глаз было таким ласковым, что у Мела перехватило дыхание, и он долго не мог ответить.

– Я рад, что снова с тобой увиделся, Сабина.

Голос у него был тихим, и она поняла, что он говорит серьезно. Она тоже была рада этой встрече независимо от того, понравился бы ей сценарий или нет и решила бы она изменить свою непреклонную позицию в отношении работы на телевидении или нет. В данный момент не это было важно.

– Позвони мне, когда прочтешь его.

– Обязательно позвоню.

Мелвин дал ей свою визитную карточку, дописав на ней домашний телефон, попросил у официанта счет, и, к сожалению Сабины, ленч подошел к концу. Ей понравилось быть с ним.

– Кстати, кого еще тебе удалось уже привлечь к работе?

– Никого.

Он посмотрел Сабине прямо в глаза.

– Я начинаю с самой важной роли, а потом буду заниматься другими. Но кое-кто у меня на примете есть. На главную мужскую роль думаю взять Зака Тейлора и полагаю, что он не откажется. Он сейчас в Греции, но через пару недель вернется и я с ним поговорю.

Сабина, похоже, не была разочарована. Зак Тейлор считался одним из самых привлекательных и талантливых американских актеров. За его плечами был опыт работы как в кино, так и на телевидении, и в театре. Несколько лет назад он даже с большим успехом играл на Бродвее. Несомненно, он был бы сильным партнером для любой актрисы. Сабина по достоинству оценила его кандидатуру.

– Ты во всем максималист, правда, Мел?

– Во всем.

Мелвин улыбнулся, поднялся и любезно проводил ее между столиками до выхода на Норс-Кэнон-драйв.

– Я рад был снова тебя повидать... не только по этой причине...

Сабина держала в руке сценарий, а Мел – теперь пустой кейс. У бордюра его ждал «Мерседес-600» с водителем. Марка машины очень подходила по стилю Мелвину Векслеру.

– Позвони мне, Сабина.

Ее зеленые глаза встретились с его взглядом. Сабина улыбнулась и на мгновение совершенно забыла о «Манхэттене». Все ее внимание поглотили Мел и его привлекательность. Он был тем человеком, которого она хотела бы узнать лучше.

– Обязательно позвоню, – произнесла она и сжала в руке сценарий. Мелвин предложил подвезти ее, но Сабина отказалась с улыбкой, от которой его охватило вождение. В ней было что-то такое, что его сводило с ума: чувственность в сочетании с холодной сдержанностью, которые вызывали желание сорвать с нее одежды и убедиться, как выглядит то, что скрывается под ними. Мел подозревал, что выглядит оно чертовски хорошо. Но даже если бы это было не так, он бы не огорчился.

Помахав ему, Сабина пошла по направлению к Родео-драйв. Мелвин смотрел ей вслед, пока его машина не повернула за угол. Мысли о Сабине преследовали его затем всю вторую половину дня. Теперь он уже не был уверен, чего именно от нее хочет: чтобы она играла в его сериале, была его любовницей или и то и другое. Он знал только одно – что не может перестать о ней думать.

Глава 3

В тот же день, когда Сабина встречалась с Мелвином Векслером, у Билла Уорвика было три пробы. Он пребывал в отнюдь не радостном настроении. На всех трех пробах его отвергли, бездельничать же Билл хотел меньше всего. Ему нужна была работа. Любая. Все, что у него осталось, – это восемьсот долларов в конверте в ящике письменного стола, собака, которая чертовски много ела, и жена, не работавшая почти год, хотя год назад, когда они поженились, у нее

была роль в комедии ситуаций. Но шесть недель спустя ее уволили, и с тех пор она даже не пыталась найти работу. Не делала ничего – просто сидела дома и все время тупо глядела в пространство. Любовью они не занимались почти два месяца; Сэнди так исхудала, что, казалось, страдает анорексией. Несколько лет назад она начала с диетных таблеток, потом перешла к психостимуляторам, затем к транквилизаторам, героину и, наконец, к кокаину, а теперь принимала смесь героина и кокаина, которая ее подбадривала и создавала иллюзию осмысленности поведения. Жена Билла стала настолько зависимой от наркотиков, что он всерьез задумывался, сможет ли она когда-нибудь от этого освободиться.

Билл, стоя на остановке, ослабил узел галстука и приготовился терпеливо ждать автобус, который курсировал с огромными интервалами. Им давно пришлось продать свой потрепанный «фольксваген», но все эти деньги разошлись. Теперь надо было срочно платить за квартиру, иначе грозило выселение. «Может, оно бы и к лучшему, – думал Билл. – Сэнди хоть бы одумалась». Ей было двадцать пять лет; она быстро катилась по наклонной плоскости. Когда же они познакомились, Сэнди была чертовски хороша: длинные черные волосы, большие карие глаза, как у щенка. В ней было много детского. Билл все еще чувствовал прилив нежности, когда вспоминал их первую встречу на вечеринке в Голливуде. Сэнди напоминала растерявшегося ребенка, и сердце у Билла растаяло, как только он ее увидел. Она казалась беспомощной, неспособной противостоять многочисленным «волкам» кино- и телебизнеса. Эти черты у нее сохранились, защиту от давления среды она стала искать в наркотиках, ожидая, что Билл сам решит все их проблемы. Теперь она ждала, что он еще и заработает достаточно денег на ее пагубную привычку.

«Что ты от меня хочешь? Чтобы я выступал с уличной пантомимой?» Билл вспомнил свои слова, произнесенные утром. Ему надоели постоянные ссоры с Сэнди. Они продолжались уже давно, и он начинал думать, не правы ли его родители, которые считали, что игра – это занятие для детей, идиотов или совершенно ненадежных людей. Сэнди, конечно, не была образцом надежности, но, как назло, и его дела шли скверно. Демонстрационный ролик с фрагментами реклам и сериалов, в которых Билл выступал, циркулировал по всем студиям, продюсерам, режиссерам и рекламным агентствам в Голливуде, но эффекта это не давало никакого. В тот день Билл даже накричал на Гарри, своего агента, который предложил ему сыграть в порнографическом фильме. Билл возмутился:

– Черт подери, я же женат.

– А кто об этом знает? Вы оба держите это в таком секрете... К тому же кого это волнует?

– Меня.

«Но волнует ли это Сэнди?» – думал Билл. Похоже, кроме наркотиков, ее вообще теперь ничто не волновало. Все деньги от ее последней роли были истрачены, и каждый грош своего пособия по безработице она тратила на кокаин. Гарри был прав: никто не знал об их супружестве, – поскольку агент Сэнди считал, что это разрушило бы ее имидж наивной и простодушной девушки, как, впрочем, и шрамы от уколов на предплечьях, если бы кто-то их увидел.

Как обычно, автобус появился лишь через сорок минут, и когда Билл проехал полпути до дома, то вдруг понял, что не хочет ее видеть, не хочет видеть неубранную постель, пустой холодильник и грязную посуду на кухонном столе. В последнее время ему стало неприятно возвращаться домой. Там даже собака выглядела несчастной. Самое плохое, что Билл во всем винил самого себя. Он все время думал, что если бы получил большую роль, то мог бы поместить Сэнди в какую-нибудь хорошую больницу. Но пока об этом не могло быть и речи. Ему было тридцать два года, он был женат на наркоманке и устал от положения безработного актера. В последние месяцы он бывал на всех пробах, о которых слышал, но никто не хотел его брать. Ранее в этом году он снялся в двух рекламных роликах, слава богу, больших, но даже и те деньги в конце концов были потрачены. В скором времени Билл подумывал начать заниматься у своего агента. Он и прежде это делал, и Гарри никогда не отказывал, как ни странно. Он единственный всегда говорил Биллу, что в один прекрасный день к нему придет большая роль. Но когда? Господи, ему была нужна работа немедленно. Отчаянно была нужна. Это слово – «отчаяние» – стало особенно к нему применимо. Билл Уорвик был в отчаянии.

Он сидел, глядя из окна автобуса на проезжавшие мимо машины, а за милю до своего дома в Голливуд-Хиллз решил сойти и выпить в баре «У Майка» кружечку пива. На протяжении последних четырнадцати лет он посещал именно это заведение, еще с тех пор, как, полный радужных надежд, приехал из Нью-Йорка учиться в ЛАКУ[1 - ЛАКУ – Лос-Анджелесский калифорнийский университет. – Здесь и далее примеч. пер.].

Войдя в бар, Билл примерно минуту привыкал к царившему там полумраку. Здесь было, как всегда, грязновато, темновато и пахло пивом. Посетителями в

основном были безработные актеры. Даже барменами здесь были актеры, в том числе Адам, дежуривший в этот вечер. Они с Биллом вместе учились в университете и многие годы были друзьями. Адам знал и Сэнди, но лишь немного. Четверо симпатичного вида молодых людей играли в пул[2 - Пул - разновидность бильярда.], другие, сидя за столиками, обсуждали роли, которые получили, на которые пробовались или о которых слышали. В зале было и несколько женщин, но в основном публика была мужской. Билл сел за стойкой, заказал Адаму пиво и рассказал ему о трех своих неудачах на пробах в этот день.

- Один из них решил, что я выгляжу слишком молодо, другой - что слишком сексапильно, а третий поинтересовался, не гомик ли я. Великолепно! Значит, моя внешность дает основания так считать!

Адам рассмеялся. У него недавно была маленькая, эпизодическая роль в сериале, и его обещали скоро снова привлечь. Но он никогда не был столь честолюбив, как Билл Уорвик. Он с удовольствием работал барменом, однако неплохо ориентировался в проблемах кино- и телебизнеса.

- Я думаю, - продолжал Билл, - что мне действительно пора переквалифицироваться в страховые агенты.

Он закатил глаза от такой мысли. Адам поставил перед ним кружку с пивом.

- Не вешай нос, старина. Крупнейшая роль твоей жизни, возможно, поджидает тебя за углом.

- Знаешь, - задумчиво ответил Билл, отхлебнув пива, - я всерьез начинаю в этом сомневаться. Это вроде игры на автоматах - некоторым людям просто не суждено выиграть. Может, я один из них? Кажется, что мне уже не на что рассчитывать.

- Чепуха!

У бармена, похоже, было хорошее настроение, но Билл выглядел изнуренным и подавленным. Жара и отказы явно доконали его. Он все еще помнил, как ребенком проводил летние месяцы в Кейп-Коде, а к жаре калифорнийского лета Билл так и не смог привыкнуть. Сэнди родилась в Лос-Анджелесе и любила его

климат. На жару она не реагировала. Впрочем, теперь она ни на что не реагировала.

– Как Сэнди?

Адам словно прочел мысли Билла, но сразу же понял, что данная тема для него отнюдь не радостная. Он с еще более подавленным видом пожал плечами.

– О'кей... Все так же вроде бы...

И тупо посмотрел на Адама.

– Как насчет метадона?[З - Метадон – препарат, используемый при лечении наркомании.]

Адам был в курсе, что Сэнди увлекается героином: он опытным взглядом определил это по ее внешности, а кроме того, она предлагала ему кокаин, когда последний раз была в этом баре с Биллом. Билл был крайне раздражен и поскорее увел ее. Адам хорошо понимал, как огорчает Билла ее пагубное пристрастие, и жалел его. Он по собственному опыту знал, что это такое. Несколько лет назад его девушка, уроженка Ньюпорт-Бич, стала употреблять наркотики, и через год он с ней все-таки расстался. Родители помещали ее во все больницы и санатории штата, но она в конце концов умерла от передозировки в какой-то захудалой гостинице в Венеции.

– Не знаю. Я ей все предлагал. Она ничего не желает слушать. Единственное, что ей нужно, – это не расставаться со своим пристрастием. Она даже больше не ходит на пробы. Да в этом и так нет смысла. На последней она уснула. На режиссера это произвело большое впечатление.

– Она может заработать плохую репутацию, если не возьмет себя в руки.

Даже Адам помрачнел. Он знал, что Сэнди дурную репутацию уже заработала. Адам отошел обслужить кого-то, а Билл остался сидеть за стойкой, погруженный в свои мысли. Потом он заказал гамбургер и лишь в восемь часов снова сел в автобус. Спустя двадцать минут он был дома; зашел, ожидая найти Сэнди наколовшейся и спящей или, наоборот, возбужденной после кокаина, но дома ее

не оказалось, везде был обычный беспорядок: неубранные постели, невытая посуда, скомканная одежда, брошенная на пол. Сенбернар, радостный, бросился навстречу хозяину.

- Привет, старина... а где Сэнди?

Пес завилял хвостом и ткнулся своей огромной головой Биллу в ноги, словно изголодавшись по ласке. Сэнди не оставила никакой записки с указанием своего местопребывания, но легко было догадаться, что она либо куда-то отправилась со своими друзьями, либо пошла одна за наркотиками к своему поставщику. Других дел у нее теперь не было; впрочем, эта «работа» занимала больше времени, чем прежде ее актерская игра. Биллу на глаза попалась фотография, сделанная год назад, буквально накануне их свадьбы, и его поразила перемена, происшедшая с Сэнди. Она похудела фунтов на пятнадцать, если не на все двадцать. Глаза у нее теперь все время были какие-то остекленевшие, волосы нечесанные, одежда неопрятная. Была ли Сэнди дома или выходила в город – она теперь совершенно не следила за своей внешностью. Испытывая жалость, Билл вместе с тем почувствовал волну гнева. Он стал сам наводить порядок. Пес ходил за ним, виляя хвостом в надежде получить что-нибудь съестное, но в доме не было даже собачьей еды. Билл понял это, заглянув в шкаф, где хранились собачьи консервы. Тогда он открыл две банки говяжьей тушенки и вывалил их в миску. Пес с удовольствием стал поглощать еду, а Билл тем временем сложил в раковину посуду и выбросил продукты, оставленные Сэнди прямо на кухонном столе и начавшие портиться.

- Проклятье! – пробормотал Билл, однако гнев быстро рассеялся, и к тому моменту, когда он добрался до спальни, злость уступила место подавленности.

Такая жизнь угнетала, Билл даже стал ненавидеть коттедж, который когда-то так любил. Это был домик садовника в некогда большом поместье, который теперь сдавался отдельно за сто долларов в месяц. Владелец испытывал к Биллу симпатию, знал, что он голодающий актер, и сдавал домик без оформления документов. Коттедж был идеален для них, сам Билл жил в нем уже три года. До переселения сюда Сэнди внутри не было ни соринки, сейчас же царил полный хаос.

Билл навел в спальне относительный порядок, даже сменил простыни, а затем сел за свой письменный стол и стал шарить в выдвижном ящике в поисках оставленного там конверта. Ему вдруг вздумалось проверить, на месте ли

восемьсот долларов, о которых он не сказал Сэнди, чтобы ее не искушать. Конверт Билл нашел, но денег в нем не было. Со слезами на глазах он поднялся и медленно пошел в ванную, а там увидел предметы, от которых ему сделалось не по себе: рядом с унитазом валялись игла, вата и ложка. Билл и прежде видывал эти вещи, но теперь они вызвали в нем особенно сильную ненависть. Сэнди все оставила на виду, даже не предприняла усилий, чтобы скрыть принадлежности своего пагубного пристрастия. Биллу хотелось плакать, когда он так стоял и глядел на иглу, понимая, куда девались его деньги. Больше он этого выносить не мог. Сэнди просадила их последние деньги, а обращаться за помощью было не к кому. О том, чтобы звонить отцу и просить у него в долг, не могло быть и речи. «Уж лучше я буду заливать бензин на колонке или работать в баре «У Майка», – думал Билл. – Многие актеры так делают, и мне придется. Сейчас же позвоню Адаму и спрошу, не нужен ли им бармен или официант». Но прежде чем он снял трубку, зазвонил телефон. Это была Сэнди. Судя по голосу, она плохо соображала. Билл не имел никакого желания с ней говорить.

– Привет, малыш... – с трудом произнесла Сэнди, а Билл отчетливо вспомнил иглу в ванной.

– Я не хочу сейчас с тобой говорить.

Он был даже рад, что Сэнди нет дома. В этот момент он готов был убить ее. Он не спросил, где и с кем она. Ему это было безразлично, и омерзительна была она сама, ее друзья и все с ними связанное. Билл и прежде неплохо разбирался в наркотиках и сам в бытность свою студентом искурил достаточно гашиша, чтобы снисходительно относиться к подобным слабостям. Но то, что делала Сэнди, нельзя было назвать слабостью: это было самоубийство, – он не хотел скатываться вниз вместе с ней, а в возможностях ее спасения начинал серьезно сомневаться.

– Чего тебе надо? – спросил Билл жестким тоном. В эту минуту он ее просто ненавидел; правда, Сэнди своим затуманенным сознанием не могла этого понять. – Денег у меня больше нет – стало быть, ты звонишь не по этому поводу. Последние деньги ты, судя по всему, всадила себе в руку. Ты вообще представляешь, на что мы теперь будем покупать еду? Конечно, сейчас тебя не это волнует, но Берни и я еще имеем эту идиотскую потребность...

– Я... э-э... мне... нужна твоя помощь...

Биллу противно было ее слушать, не хотелось даже о ней думать. Вообще. Никогда.

– Позвони кому-нибудь еще. С меня хватит.

– Билл... нет... подожди...

Голос у Сэнди был испуганный, и у Билла где-то внутри шевельнулась жалость, хотя сознание противилось этому чувству.

– ...Меня арестовали.

Казалось, это говорит маленькая девочка. Билл тяжело опустился на стул.

– Проклятье! Где ты находишься?

– В каталажке.

– Великолепно. И что дальше? Ты понимаешь, что из-за тебя я не имею денег, чтобы внести залог?

– А ты можешь занять... э-э... у кого-нибудь?

Сэнди с трудом удавалось сосредоточиться на разговоре. Билл вздохнул. До этого он два раза уже попадал с ней в передряги. В одном случае Сэнди чуть не передозировала наркотик. Пришлось звонить в полицию, а те прислали «Скорую», которая забрала Сэнди в больницу. Она тогда едва выкарабкалась.

– В чем тебя обвиняют?

«Наверняка как всегда, – подумал Билл, – при ней нашли наркотики».

– В ношении наркотиков с целью продажи и... ой, я не знаю... и еще там что-то... – Она расплакалась. – Ты можешь меня отсюда вытащить?

– Господи... – вздохнув, произнес Билл и потянулся за сигаретой.

Он бросил курить пять лет назад, но из-за Сэнди недавно опять вернулся к табаку. Жизнь с ней становилась просто невыносимой. Порой Билл сомневался, переживет ли все это, в том числе безработицу и безденежье.

- Может, тебе пойдет на пользу посидеть немного в тюрьме?

Но Билл понимал, что кто-нибудь, сообразив, кто она такая, обязательно позвонит в газеты: «Экс-звезда арестована за то, что имела при себе кокаин», – или что-нибудь в этом роде, а потом примчатся фоторепортеры и начнут делать снимки. Он не хотел подвергать ее такому, да и себя тоже, в случае если обнаружится, что они супруги. Сэнди становилась для Билла помехой, и это раздражало его агента.

- Билл... Мне надо идти...

Пока она клала трубку, он услышал голоса, грубые голоса, голоса полицейских, и вдруг осознал, где она находится и как там себя чувствует. Он не мог так этого оставить. Сэнди была чертовски незащищена, он устал спасать ее, но чувствовал, что иначе поступить не может. Он затянулся сигаретой и набрал номер своего агента.

- Что у тебя стряслось?

Агент, похоже, слегка удивился, что Билл звонит ему домой. Впрочем, и другие агенты частенько беспокоили его в нерабочее время, и он не особенно возражал.

- Послушай, извини, что я тебе сейчас звоню, но тут такое дело... можешь мне дать займы?

Агент онемел от неожиданности, но быстро пришел в себя. Биллу он полностью доверял и готов был сделать для него все. Он не сомневался, что когда-нибудь подопечный вернет ему все сполна.

- Конечно, старик. Сколько?

Билл чуть не застонал. Он забыл спросить у нее размер залога, но он не должен быть очень большим.

- Скажем, пятьсот баксов на всякий случай?..

- Какой случай? У тебя что, опять проблемы с Сэнди?

Он знал, что Сэнди наркоманка, не любил ее и считал, что Биллу Уорвику не нужна эта головная боль. Да и никому не нужна. Он слышал, что Сэнди скатывается все ниже и ниже. На Билле это тоже отражалось - у него уже несколько месяцев кряду был несчастный вид, хотя он ни с кем не делился своей бедой, тем более с агентом.

- Нет, знаешь, собаку надо оперировать, деньги могут потребоваться.

- О'кей... конечно... нет вопросов. Заходи завтра в офис.

- А сегодня вечером к тебе нельзя забежать?

По тону Билла Гарри понял, что речь идет о Сэнди, но не имело смысла его спрашивать и вести дискуссию. Эти разговоры уже бывали прежде, и Билл высказывал глупые рыцарские идеи насчет своих обязанностей как ее мужа. Кроме того, Билл все еще отчасти любил ее, то есть вообще-то он любил ту девушку периода их знакомства, девушку, которой больше не существовало. Однако Гарри давно усвоил, что не следует спорить с клиентами из-за их избранниц.

- Ну ладно, старина. У меня дома есть сколько-то. Заходи когда хочешь.

Билл издал вздох облегчения и, погасив сигарету, взглянул на часы.

- Я буду у тебя через час.

Когда рассчитываешь только на общественный транспорт, сложно быть пунктуальным где бы то ни было, а уж тем более в Лос-Анджелесе. Однако Билл немедленно выбежал из дому, направился к подножию холма, на автобусную остановку, и менее чем за час добрался до Гарри, который жил на окраине Беверли-Хиллз. Еще через полчаса он был в полицейском участке железнодорожной станции Голливуд, где и обнаружил Сэнди, задержанную вместе с двумя неграми и еще одной девушкой за ношение с целью продажи

запрещенных веществ. Сэнди и девушка, кроме того, обвинялись в проституции. Билл, шокированный, с побелевшими губами, достал из бумажника деньги Гарри и оплатил залог; Сэнди, испуганная, едва держась на ногах, бросилась к нему. Он ей вообще ничего не сказал, вывел на улицу, поймал такси и только в машине увидел, что Сэнди дрожит и плачет. Она была сильно напичкана наркотиками, выглядела неряшливо и грязно. Билл вдруг увидел ее такой как есть: больной, надломленной, опустившейся и грязной. Мысль, что его жена была задержана за проституцию, ранила его сильнее всего. Она готова была ради наркотиков на все: воровать у него, продаваться чужому мужчине. Билл молча вошел в дом, Сэнди последовала за ним. Берни бросился им навстречу. В гостиной Сэнди рухнула на диван. Билл направился наполнить ей ванну. Иглу и все остальное он собрал и бросил в мусорную корзину. Когда ванна наполнилась, он вышел и сказал:

- Пойди искупайся.

Казалось, он хочет смыть с нее грязь, но оба знали, что это невозможно. Билл задавал себе вопрос, как часто в прошлом она делала это, как часто спала с ним после торговли телом для приобретения зелья. В очередной раз за этот вечер слезы подступили у него к глазам, когда он глядел на нее. Сэнди уснула на диване, и при этом еще более, чем всегда, походила на надломленного ребенка. Смотреть на нее было просто больно.

Каким-то чудом история не получила широкой огласки, хотя на четвертой странице «Лос-Анджелес таймс» следующим утром появилась заметка под заголовком: «Сэнди Уэйтерс арестована за наркотики». Были перечислены все предъявленные ей обвинения. Билл съезжился, читая газету за кофе, сваренным из последних запасов. Проснувшись, он сразу позвонил Адаму и договорился, что придет в этот день работать в бар. Ему очень повезло – один из официантов уволился, и ему искали замену. По крайней мере в баре кормили, а пробы можно было на время послать к черту. Все равно настроение пробам не благоприятствовало.

Пока Билл читал газету, Сэнди стояла в дверях кухни, бледная и слабая. У нее был вид смертельно больного человека; Билл испытывал бы к ней жалость, если бы не омерзение от всего, что произошло накануне вечером. Он не собирался больше нянчиться с ней: решил, что хватит.

- Что они едят?

Она, пошатываясь, подошла к кухонному столу и села, похожая на двенадцатилетнего подростка, неизлечимо больного. Сэнди была худа и бледна, но у нее были дивные глаза и лицо, напоминавшее камею, а длинные черные волосы в беспорядке падали на плечи, словно вдовья шаль. Глазами, полными бесконечной печали, она смотрела на мужчину, который был ее супругом.

– Я очень сожалею, Билл, – едва слышно произнесла она.

Билл, избегая ее взгляда, ответил:

– Я тоже. А относительно твоего вопроса могу сказать, что газета правильно перечислила предъявленные тебе обвинения.

Единственное, чего они не написали, – это что она замужем за Биллом, поскольку не знали этого.

– Господи. Тони убьет меня.

Тони – это ее агент. Билл с изумлением поднял глаза на жену. «Она что, шутит? – думал он. – Ее арестовали за проституцию и все прочее, а она переживает, что Тони убьет ее? А как насчет меня? Как насчет наших супружеских клятв?»

Но Сэнди ничего больше не сказала. Билл закурил сигарету и снова углубился в чтение. Ему очень хотелось дать волю гневу, но он сначала хотел решить с ней ряд вопросов, а время для этого было самое подходящее.

– Что ты теперь намерена делать?

Билл заставил себя взглянуть ей в глаза, хотя ему это доставляло невероятную боль.

– Наверное, найму адвоката.

Сэнди пожала плечами и отбросила волосы назад.

– Вот как? На что? Или заработков от твоей новой специальности хватит и на это тоже?

Она заметно вздрогнула от его резких слов, но Билл невозмутимо продолжал:

– Я думаю, тебе надо прежде всего лечь в больницу.

– Я сама могу справиться.

Он уже слышал все это прежде и был сыт по горло.

– Ерунда. Никто этого не может сам. Тебе нужна помощь. Обратись туда, где тебе ее могут оказать.

Билл не мог ее заставить, да и никто не мог. Она должна была сделать это сама, в противном случае в больницу ее бы не приняли. Такие разговоры Билл вел с женой уже тысячу раз, но они ни к чему не приводили.

– А как же мы?..

Она пытливо посмотрела на мужа, а он с тоской отвел глаза.

– У меня ощущение, что тебе все надоело.

– А какие у тебя ощущения по поводу вчерашнего вечера?

– Ты имеешь в виду мой арест?

Она выглядела такой слабой и беспомощной, что Билл боролся с чувством жалости к ней.

– Я имею в виду обвинения, предъявленные тебе, Сэнди. Или ты забыла?

Он видел, что Сэнди как-то беспокойно сидит на стуле, и понимал, что дело тут не только в чувстве вины. Она, вероятно, испытывала наркотический голод. В последнее время первую дозу она принимала уже утром.

- Это ничего не значит... ты же знаешь. Мне просто были нужны деньги... вот и все...

- Послушай, мне они тоже были нужны, но я же не побежал продаваться первому встречному типу. Я вообще-то несколько иначе представлял себе наш брак.

Злость снова вскипела в нем. Он всегда думал о Сэнди как о невинном ребенке, ребенке с ужасной привычкой. Но это было гораздо хуже: это был образ жизни, построенный на самоубийственной мании.

- Прости...

Слова были едва слышны, их заглушало тяжелое дыхание сенбернара, лежавшего на подстилке в углу кухни.

- ...Прости меня за все...

Сэнди нетерпеливо поднялась, словно вдруг оказалась лицом к лицу с чужим человеком. Похоже, она собиралась куда-то идти. Билл уже знал это выражение ее глаз, оно словно говорило: «Мне нужно сейчас... не важно, что ты скажешь». Выражение, которое расстроило их брак.

- Куда ты?

- Мне надо уйти.

На ней была все та же одежда, что в прошлый вечер, она не расчесала волосы и не почистила зубы. Сэнди просто взяла свою сумку, огляделась. Биллу вдруг показалось, что она уходит навсегда, и ему стало страшно. Он встал, отложил газету и посмотрел на жену.

- Помилуй, Сэнди, ты же только вчера вечером попала под арест! Тебе на это наплевать?

- Мне просто надо ненадолго кое с кем увидеться.

Билл сделал два быстрых шага поперек маленькой кухни и схватил Сэнди за руку.

– Не корми меня больше этими байками. Я отправляю тебя в больницу сейчас же. Сейчас же! Ты можешь меня навсегда бросить, но я не позволю, чтобы ты продолжала так жить, пока не превысишь дозу в каком-нибудь вонючем притоне или кто-нибудь не пырнет тебя ножом. Ты меня слышишь?

Она расплакалась – от ощущения вины, от плохого самочувствия, от любви к Биллу и ужасной тяги к наркотику. Билл тоже плакал, потом обнял Сэнди и, рыдая, задал себе вопрос, куда делась та девочка, которую он любил.

– Прости, Билли... Прости меня...

Никто его так прежде не называл, сердце у него разрывалось – ему так хотелось спасти ее.

– Пожалуйста, детка... Я буду сидеть с тобой целыми днями в больнице. Мы будем следовать всем рекомендациям врачей...

Но Сэнди только покачала головой. По ее щекам текли слезы.

– Я не могу...

– Почему?

– Я недостаточно сильная, – прошептала она.

Билл крепче прижал ее к себе. Сэнди страшно похудела: кожа да кости, – но Билл чувствовал, что в глубине души все еще любит ее.

– Ничего. Зато у меня сил хватит на нас двоих.

– Не надо...

Сэнди медленно отстранилась от него: на ее щеках были и ее, и его слезы – бледной дрожащей рукой пригладила ему волосы.

– ...Я должна сделать это сама... Когда буду готова...

– Но когда это произойдет?

– Не знаю... не сейчас...

У Билла сжалось сердце. Он словно наблюдал ее смерть.

– Я больше не могу ждать, Сэнди...

Билл никогда ни о чем в своей жизни так не сожалел, но понимал, что помочь ей не может.

– Я знаю... я знаю...

Она кивнула, а затем поднялась на цыпочки и поцеловала его в губы. В момент, когда Сэнди поворачивалась, Билл заметил, что у нее на пальце уже нет обручального кольца, и догадался, что она, наверное, его продала. Сэнди еще мгновение стояла и смотрела на мужа. За его спиной тихонько скулил Берни, словно чувствуя настроение хозяина. Потом Сэнди ушла, и на этот раз Билл ее не останавливал. Он знал, что это бесполезно. Он ничего не мог поделать. Ничего. Стерев со щек слезы и подавив их новую подступавшую волну, он пошел чистить зубы, вспоминая, как было когда-то... какой она была симпатичной... какая у них была любовь... Они до свадьбы встречались всего два года; с тех пор, казалось, прошла целая вечность... Вечность, проведенная в сущем аду с женщиной, которую он когда-то любил, да и сейчас еще любит, хотя она давно ушла. Женщина, арестованная накануне вечером за проституцию, не была ему знакома... больше не была...

Дом в Пасадене был длинным, крытым черепицей, L-образным, с каминами в двух его концах. Перед фасадом аккуратными рядами были высажены кусты роз, большая зеленая лужайка простиралась от дома до прямоугольного бассейна, полного шумной детворы. Все это были подростки, они перебрасывались волейбольным мячом, шутками, дружескими колкостями и совершенно не обращали внимания на лежавшую у края бассейна великолепно сложенную женщину в черном бикини. Загорая на утреннем солнце, она, казалось, забыла обо всем на свете. Ее светлая кожа была густо намазана маслом для загара, лицо прикрывала большая соломенная шляпа; рядом с шезлонгом висел стопка полотенец. Грудь загоравшей едва помещалась в лифчике бикини, ниже тонкая талия переходила в чувственно-округлые бедра и стройные ноги. У нее была фигура королевы красоты, как и почти двадцать лет назад, когда она приехала из Буффало. Джейн Адамс было тридцать девять лет, но на ее теле почти не отразилось рождение троих детей.

Она приоткрыла один глаз, большой и голубой, посмотрела, все ли в порядке с детьми, а затем снова погрузилась в дремоту. На Джейн не было никаких украшений, кроме узкого золотого обручального кольца и простых золотых серег в форме обручей, однако дом имел явно богатый вид, а в гараже стоял «мерседес»-универсал, ее машина, и «вольво» – для домработницы и детей. Муж Джейн уехал на работу на своем «мерсе»-седане. Свидетельством зажиточности был и бассейн – большой даже по стандартам Пасадены.

– Эй!.. Ловите!..

Мяч вылетел из бассейна и упал рядом с шезлонгом. Джейн почти с детской грацией вскочила и, поправляя одной рукой верх купальника, бросилась к мячу. Молодежь в бассейне, как обычно, загляделась на нее, к неудовольствию ее сына. Джейсона всегда раздражало, когда его друзья глазели на мать так, словно она их ровесница. К счастью, большую часть времени на ней было достаточное количество одежды. Джейн не увлекалась глубокими декольте или разрезами на платьях. Как правило, она одевалась довольно скромно – носила традиционные оксфордские блузки, скромные юбки и легкие босоножки. Похоже, она недостаточно ценила свою внешность. Джейн была симпатичной женщиной с милым лицом и теплой улыбкой, которую всем дарила. Волосы у нее были рыжие, глаза – большие, голубые и невинные.

Она отбросила мяч обратно ребятам и крикнула им:

– Ленч есть будете?

Но подростки снова увлеклись игрой. Она всегда делала для них массу сэндвичей и держала в холодильнике запас газировки и мороженого. За восемнадцать лет материнского стажа Джейн изучила, что дети любят больше всего. Теперь Джейсон осенью должен был поступить в колледж Санта-Барбары, а обе дочери – продолжить учебу в старших классах средней школы. Старшая из них, Александра, усиленно выпрашивала себе собственную машину. Она заявляла, что «вольво» – слишком большая и старомодная, а ей нужно что-то более спортивное, вроде автомобиля, который отец подарил месяц назад на восемнадцатилетие Джейсону. В сентябре он поедет в Санта-Барбару на «триумфе». Александра считала, что ей бы такая машина тоже подошла.

Джейн улыбнулась про себя и снова вытянулась в шезлонге. Типичные для подростков желания, но как это далеко от ее собственной юности, проведенной в Буффало. Когда она училась в старших классах, то чуть ли не замерзала, пока добиралась до школы. Потом, в шестнадцать лет, она на свой страх и риск уехала в Нью-Йорк, работала там, пока не собрала денег на дорогу до Лос-Анджелеса. Лос-Анджелес... Голливуд... земля ее мечты... Здесь она завоевала свою первую корону на конкурсе красоты – тогда ей было семнадцать... затем работала манекенщицей... официанткой... наконец получила маленькую роль в фильме ужасов. Свои «вопли» она довела до совершенства и считала, что вполне удачно начала карьеру, когда познакомилась с Джеком Адамсом. Ей было только девятнадцать, она в него по уши влюбилась.

Двадцатитрехлетний Джек был типичным американцем. Он окончил Стэнфордский университет и работал в брокерской фирме отца. Джейн до того времени не встречала столь красивого, со сложившимися взглядами мужчины. На четвертом свидании он пригласил ее к себе домой и познакомил с родителями, предварительно проинструктировав, что надеть, что говорить и как себя вести. У них был чудный кирпичный дом в районе Апельсиновой рощи. Джейн благоговела перед ними и перед Джеком, таким взрослым, зрелым и великолепным в постели. Джек был воплощением покладистости, пока не стал требовать от Джейн отказаться от актерской карьеры. Но карьера актрисы всегда была тем, о чем она мечтала; Джейн знала, что со временем получит действительно стоящую роль и справится с ней. Но Джек не хотел об этом и слышать. Он ненавидел ее образ жизни, друзей, фильмы, в которых она снималась, терпеть не мог все, чем она занималась. Правда, отношение к тому, как она занималась с ним любовью, было совершенно другим. Когда Джек

укладывал голову между ее ног, в гнездышко из золотистых кудряшек, которым она так щедро с ним делилась, то понимал, что никогда ее не бросит, что бы ни говорили его родители. Они считали Джейн бродяжкой, мать Джека даже один раз назвала ее шлюхой, но Джек все равно не расстался с ней, зато заставил отказаться от своих мечтаний. Из-за него она забыла об осторожности: ей не было и двадцати одного года, когда она оказалась в положении. И этим все кончилось. Джек не позволил бы ей сделать аборт. Хотя она и разузнала адрес специалиста по абортам в Тихуане, но тут же все, рыдая, рассказала Джеку. Он немедленно сделал ей предложение, и две недели спустя они обвенчались в небольшой церкви неподалеку от дома его родителей.

На этом закончились ее фильмы ужасов и актерская карьера. Она стала миссис Адамс, супругой Джона Уолтона Адамса-третьего, а еще через шесть месяцев родился Джейсон, улыбчивый крепыш с густыми, рыжими, как у мамы, волосиками, которые в первый год торчали ежиком. Малыш был такой очаровательный, а Джек – так нежен с ней, что Джейн почти не тосковала по покинутому ею миру. Первые пять лет замужества у нее в общем-то и не было времени тосковать. Александра родилась, когда Джейсону исполнилось два года, а Алиса еще двумя годами позже. Александра оказалась похожей на Джека, Алиса же – ни на кого, кроме разве что матери Джека. Семья получилась идеальная, и Джейн с радостью окунулась в заботы о ней. Дети не давали покоя днем, а Джек – ночью. Казалось, он никогда не насытится женой. Порой он не мог утерпеть и брал ее в ванной, пока дети смотрели телевизор или ужинали. Он изнывал, дожидаясь ее в постели, и каждую ночь они занимались любовью, даже если Джейн была слишком усталой, чтобы думать, разговаривать или есть после целого дня кутерьмы с детьми. Порой ей казалось, что у нее совершенно не остается времени для себя, но ее это не огорчало. Она хотела быть идеальной женой, идеальной матерью и делать всех довольными и счастливыми. О себе Джейн думала редко и была просто благодарна судьбе, что, приехав из далекого Буффало, стала госпожой Адамс. Лучшей роли она для себя не искала и, лишь когда дети пошли в школу, стала тосковать по всему, что бросила ради Джека. К тому времени ей было двадцать семь лет, но она выглядела почти так же, как десять лет назад, особенно когда поздним вечером плавала обнаженная в бассейне. Джек наблюдал за ней, затем гасил свет в доме и тоже нырял в воду, к супруге. Джейн не следовало беспокоиться, что дети могут подсмотреть, ей вообще не нужно было ни о чем беспокоиться. Джек сам беспокоился обо всем: об их счетах, их жизни, – говорил ей, с кем надо встречаться, что нужно делать, что надеть. Он кроил ее по своему представлению об идеале, и единственным, что не соответствовало этому представлению, была ее любовь к своей прежней работе. Иногда Джейн заводила разговоры о возвращении к актерскому труду,

но муж не желал об этом слышать.

– Это не твое амплуа. И никогда им не было, – говорил Джек жестким тоном. – Это мир бродяг и бездельников.

Джейн не нравилось, когда ее супруг так высказывался. Она любила мир Голливуда и все еще скучала по некоторым из ее давних друзей, с которыми Джек запретил ей встречаться, вплоть до того, что, увидев, как она однажды писала рождественскую поздравительную открытку своему агенту, выбросил ее, сказав:

– Забудь об этом, Джейн. Все это кончилось.

Джек хотел, чтобы так было. Очень хотел. Хотел, чтобы она все это забыла... даже любимые роли... своих знакомых... прежние мечты... Алисе было всего три года, когда в супермаркете какой-то мужчина вручил Джейн свою визитную карточку. Он был агентом по поиску талантов и пригласил ее зайти в его офис на экранную пробу. Джейн рассмеялась. В свое время она слышала массу таких предложений, особенно когда впервые прибыла в Лос-Анджелес. Несмотря на настойчивость агента, она так ему и не позвонила и в конце концов выбросила карточку. И все же тот человек взбудоражил в ней чувства, которые она слишком долго подавляла. Однажды она позвонила своему бывшему агенту, просто чтобы сказать «привет!», спросить, как дела. Тот стал умолять ее вернуться к съемкам и сказал, что мог бы найти для нее работу. Спустя шесть месяцев, приехав в Лос-Анджелес за покупками, она зашла повидать его, так, из вежливости. Он заключил ее в объятия и стал умолять позволить сфотографировать. Джейн разрешила и даже потом послала еще несколько других моментальных фотографий. Через четыре месяца поступило настоящее, серьезное предложение. У агента была для нее роль. В «мыльной опере», как он сказал. Роль была идеальной для Джейн. Она пыталась обратить все в шутку, но агент не собирался упускать ее, упрашивал пойти на пробы, «просто ради опыта... ради старой дружбы... для себя самой... чтобы не пропали даром труды прежних лет...» Джейн ночью в кровати обдумывала его слова. Она и хотела попробовать, и в то же время боялась, что скажет Джек, не знала, как начать разговор, как объяснить пустоту, одиночество, которые испытывала, пока дети были в школе. Но Джека интересовало только то, что у нее между ногами. Он бы ее не стал слушать: он вообще с ней не разговаривал – однако испытывал к ней столь же сильное влечение, что и десять лет назад, когда они впервые познакомились. Джейн знала, что должна благодарить за это судьбу. Ее подруги

жаловались, что мужа невнимательны к ним, не хотят заниматься любовью, не проявляют к ним сексуального интереса, а она жила с мужчиной, который был просто ненасытен, шептал за ужином фразы вроде: «Я сегодня ночью прое... тебя до мозгов», – что вызывало в ней страх, как бы не услышали дети. Джейн не в силах была с ним говорить. Он понятия не имел, что творится в ее голове, в ее сердце, в ее душе, зато это очень хорошо знал ее агент. Он все прочел в ее глазах в тот день, когда она зашла в его лос-анджелесский офис, и не собирался снова упускать ее. Агент знал, что ей как актрисе есть что предложить и всегда было что предложить, причем не только сексуальную привлекательность. Джейн обладала человечностью, порядочностью, материнской теплотой и в то же время невероятной женственностью и была интересна как для женской аудитории, так и для мужской.

В конце концов Джейн пошла на пробы. Был жаркий июньский день. Она настояла, что наденет черный парик, который накануне купила. Когда Лу, агент, увидел ее уже после отбора, то присвистнул, а затем расплылся в широкой счастливой улыбке. Джейн была похожа на Джину Лоллобриджиду, только смотрелась привлекательнее, богаче и моложе той. И она получила роль. Даже ее парик не вызвал сомнений. С ней были готовы немедленно заключить контракт. Джейн явилась к Лу в офис в слезах и спросила:

– Что же мне теперь делать?

– Приступай к работе, вот и все.

Глядя на нее, Лу чувствовал, как бьется его сердце – не от похоти, а от радости, что удалось найти ей работу. Он знал, что при ее данных с Джейн можно горы своротить, надо только оторвать ее от болвана-мужа.

– Но что я скажу Джеку?

– Скажи, что хочешь снова работать.

Но все было не так-то просто. Она целую неделю мучилась бессонницей и, наконец, отказалась от роли. Не было никакой возможности объясниться с Джеком. Вообще никакой возможности. Он не хотел ее слушать. Он лишь ворковал и стонал, совершая половой акт, и каждый раз, когда Джейн пыталась что-то сказать, переворачивал ее и снова брал. Это было просто наказание.

Джек таким образом уклонялся от разговоров с женой. Ему надо было только, чтобы она с ним спала, заботилась о его детях и развлекала его гостей во время званных ужинов.

Режиссер сериала подумал, что Джейн просто стесняется попросить большой гонорар. Ей предложили в два раза больше. Лу звонил ей по пять раз в день, и Джейн боялась, что трубку возьмет Джек. Однажды так и случилось. Лу быстро сориентировался, сказал, что ошибся номером, и повесил трубку. В конце концов Джейн сдалась. Дрожа от страха, она положила в сумочку черный парик и пошла на студию для беседы. Там она в тот же день подписала контракт, хотя и боялась своего поступка и реакции на него Джека, который не раз говорил, что если она когда-нибудь вернется к актерству, то он вышвырнет ее вон, и Джейн знала, что именно так он и поступит. Джек еще говорил, что оставит себе детей, дом и все остальное. А для Джейн единственное, чем она дорожила, были дети... и сериал. Самое ужасное было то, что она влюбилась в сериал под названием «Наши тайные печали». Каждый день Джейн, надев черный парик, играла в нем Марсию, а пополудни являлась домой и выслушивала, что дети делали в школе. Вечером она готовила ужин, а утром, до работы, отвозила ребят в школу. И все, включая Джека, думали, что она на общественных началах работает в больнице. Джейн даже рассказывала им небылицы про это. «Больница» стала ее жизнью, но на самом деле этой жизнью был сериал. Ей очень нравилось общение с людьми, волнение, вся атмосфера... Вся группа тоже души в ней не чаяла. Джейн работала под именем Джанет Гоул – так ее на самом деле звали, когда она жила в Буффало, до приезда в Голливуд. Каким-то чудом никто этого не знал. Она избегала журналистов и, хотя сериал из года в год занимал по рейтингам первые места, никому и в голову не приходило, как она похожа на Джанет Гоул из «Тайных печалей». Сериал выходил в эфир «живьем» ежедневно в полдень, и Джейн была совершенно счастлива. Ей предлагали другие роли, порой очень важные, но она все их отвергала. Она не могла позволить себе потерять свою анонимность. Другие сериалы были бы этим чреватые, а в «Тайных печалях» за десять лет удалось ее сохранить, как, впрочем, и черный парик. Даже налоги она платила на имя Джанет Гоул и имела отдельный счет социального страхования, о котором не знал Джек. И никто не знал. Секрет хранился надежно.

Джейн только-только снова улеглась на шезлонг, бросив ребятам мяч, как услышала телефонный звонок. В сериале был двухмесячный перерыв, что пришлось Джейн очень кстати. Она могла больше времени посвятить детям и поехать с семьей на две недели в Ла-Джоллу, как каждый год. Она пошла в дом и сняла трубку.

- Привет, красавица.

Это был Лу. Он часто звонил ей и вообще проявлял о своей подопечной большую заботу. Ему было шестьдесят. Джейн его очень уважала, а он уважал ее «помешательство», как он называл сокрытие ею работы от Джека. Лу не хотел, чтобы она лишилась того, что имела.

- Привет, Лу.

- Наслаждаешься отдыхом?

Его голос показался ей странным, но Джейн знала, что это вызвано постоянным напряжением, в котором он находился, работая со многими звездами, целой армией голодных актеров, жаждавших работы и не дававших ему покоя.

- Я обожаю, когда у нас наступает перерыв. Он дает мне возможность побыть с детьми...

«Опять она о своей семье, - подумал Лу. - Ни о чем другом и не говорит: только о детях, о доме и кухне. Может, и лучше, что она не дает интервью? С ее телом никто бы всерьез ее слов не принял».

- А в чем дело?

Лу сделал паузу, подбирая слова. Он знал, что ей будет больно. Очень. Но он должен был ей сообщить это первым.

- Дела наши не из лучших...

Он решил выложить все сразу, хотя и очень не хотел причинять Джейн боль.

- Они собираются после перерыва отказаться от тебя.

- Что?

Это шутка. Наверняка шутка... Джейн побледнела, ее большие голубые глаза наполнились слезами.

- Ты серьезно?

- К сожалению, да. Новый режиссер хочет придать сериалу новый облик. Четверо из вас по новому сценарию в первый же день погибнут в автокатастрофе. Тебе, конечно, выплатят очень хорошее выходное пособие, я за этим проследил, но вообще это...

Ему не надо было больше ничего говорить, по щекам Джейн и так текли слезы. Новость была самой худшей из тех, что ей когда-либо приходилось слышать. Сериал составлял суть ее жизни – сериал, Джек и дети. Она участвовала в нем на протяжении почти одиннадцати лет...

- На него ушло десять лет моей жизни, а теперь...

В общем-то, так происходило часто, особенно в «мыльных операх». Но для Джейн это была катастрофа. Группа была для нее как семья.

- А ты не можешь его переубедить?

- Я пытался. Изо всех сил.

Лу не сказал ей, что режиссер решил взять более молодую актрису и троих своих «голубых» друзей. Джейн не имело смысла об этом говорить. Главное, что от нее отказывались.

- В первый после перерыва день ты выйдешь, и на этом конец.

- Боже мой!..

Джейн, сидя за кухонным столом, в открытую плакала. Вошла старшая дочь, удивленно посмотрела на нее и спросила:

- Мам, что-то случилось?

Она молча покачала головой и бодро улыбнулась сквозь слезы. Александра пожала плечами, взяла из холодильника банку «Ап» и снова ушла во двор, даже не оглянувшись на мать. Та, плача, продолжала разговор с Лу.

– Я просто не могу в это поверить.

– Я тоже. Лично я считаю, что он круглый дурак, но поделаться мы ничего не можем. Это их право, и, думаю, тебе следует радоваться, что ты участвовала в сериале целых десять лет.

Да, но что теперь? Джейн знала, что никогда больше не найдет ничего подобного. Никакая другая «мыльная опера» не даст ей возможность сохранить анонимность, а Джеку открыться она не могла.

– У меня такое чувство, будто кто-то умер, – горько рассмеялась она. – Наверное, это я.

– Наплевать на них, мы найдем тебе что-нибудь другое.

Джейн стала всхлипывать. Лу внутренне весь сжался от сострадания.

– Я не могу делать ничего другого... ты же знаешь... эта роль была идеальной для меня...

– Значит, мы найдем другую «мыльную оперу», где бы требовалась секс-бомба в черном парике...

Теперь у Джейн их было двенадцать, разного фасона и длины: столько собралось за последние десять лет, – но она была безутешна. Слезы лились рекой. Пришлось вытирать их, а заодно и нос, бумажным полотенцем.

– Я не знаю, что тебе еще сказать, дитя мое. Я ужасно сожалею. Правда.

Он на самом деле сожалел и страшно не хотел, чтобы Джейн страдала. Она не заслужила такого.

– Что же мне делать?

Джейн снова высморкалась. Слезы текли по ее щекам и падали на купальник.

– Уйти с достоинством. Больше ты ничего не можешь поделаться. Выйди на один день на работу и попрощайся...

Лу знал, что это будет ужасная сцена. Свободной рукой он сделал пометку в своем календаре. Он хотел в тот день послать Джейн цветы, анонимно, как всегда.

– А я поинтересуюсь, какие есть предложения.

– Я не могу делать ничего другого, Лу.

– Не надо отчаиваться, доверься мне. Через день или два я тебе позвоню.

Джейн закончила разговор с чувством, будто мир рухнул. В каком-то смысле так действительно и было.

Только она положила трубку и утерла слезы, как в кухню ввалилась шумная ватага подростков: Джейсон, Александра, Алиса и их друзья.

– Что сегодня на ленч? – улыбнулся Джейсон, не видя и следа слез, которые его мать только что проливала.

Он был точной копией молодого Джека. Александра тоже была на него похожа, хотя у обоих были рыжие, унаследованные от Джейн волосы.

Повернувшись к ребятам спиной, чтобы они не заметили, что у нее влажные глаза, Джейн достала из холодильника поднос с заранее приготовленными сэндвичами: с ветчиной, колбасой, индюшатиной и паштетом. Забрав все это и три упаковки кока-колы, молодежь удалилась, а Джейн со вздохом села за кухонный стол. Все было кончено. Для нее все было кончено. Джек все-таки победил, сам того не зная. И вдруг, словно ему передались ее мысли, она услышала на подъездной дороге шум машины и, выглянув в окно, увидела знакомый серебристый «мерседес» и Джека, который, остановив автомобиль, бодро выскочил из кабины. Он все еще выглядел очень молодо, его светлые волосы скрывали седину, которая уже появилась, Джейн это знала. Спортивный,

в хорошей форме, он выглядел гораздо моложе своих сорока трех лет, но в глазах его было что-то недоброе, в линии губ появилась какая-то твердость, которой не было прежде. Джек был внешне хорош собой, однако ему недоставало теплоты, и даже сейчас, войдя в открытую дверь кухни, он не улыбнулся жене, не заметил печали в ее глазах. Да он в них, в общем-то, никогда и не заглядывал.

– Привет, ты какими это судьбами? – улыбнулась Джейн.

Джек, стоя к ней спиной и доставая из холодильника пиво, ответил:

– У меня недалеко отсюда была деловая встреча, вот я и решил заехать домой на ленч.

Он повернулся, оглядел ее от шеи вниз, ослабил галстук и отхлебнул пива прямо из банки. Потом бросил пиджак на стул, и Джейн увидела, как под рубашкой у него играют мышцы. Джек почти ежедневно после возвращения с работы играл в теннис. Они с Джейсоном были великолепны на корте. Джейн так и не стала хорошей теннисисткой, муж и сын терпеть не могли играть с ней.

– Ты сегодня не работаешь в больнице?

– У меня перерыв на лето. Ты забыл?

Она снова улыбнулась. На этот раз Джек ответил ей тоже улыбкой:

– А, да. Вечно я забываю.

Он разглядывал зрелое, сочное тело жены, похоже, потеряв интерес ко всему остальному.

– Загорала у бассейна?

Джек всем их обеспечивал: бассейном, машинами, одеждой; каждый год снимал дом в Ла-Джолле, возил на рождественские каникулы на Гавайи, – но все-таки Джейн казалось, что он очень много недодает, многим не делится. Он всегда был таким отстраненным и никогда не говорил с ней по душам.

– Я приглядывала за ребятами.

Их разговоры почти всегда ограничивались одними банальностями. Джек никогда не рассказывал ей о своей работе, не считал нужным, и редко говорил о своих сотрудниках.

– Ты купила то, что мне нужно к поездке в Ла-Джоллу?

Ранее он вручил Джейн точный список рыболовных принадлежностей, которые хотел в этом году обновить.

– У меня не было времени. Сегодня пополудни этим займусь.

Но вдруг ее охватило чувство, будто мир рухнул. «А разве нет?» – думала она, в то время как Джек подошел и коснулся двумя пальцами низа ее маленьких черных эластичных трусиков. Он нащупал то, что хотел, и погрузил пальцы глубже, причинив ей боль, но она ничего не сказала.

– А на кое-что другое у тебя есть время?

Это был риторический вопрос. Она никогда не говорила ему «нет». Джек уже отставил пиво и освободившейся рукой схватил ее грудь. Целуя жену в засос, кусая ей губы, он спросил:

– Трахнемся?

В последнее время Джейн привыкла к подобной манере. Грубое поведение мужа во время полового акта уже ее не шокировало и не удивляло. Просто Джек таким стал. Когда они только познакомились, все было иначе: он был ласковее, – однако после женитьбы постепенно менялся. Порой казалось, что он одержим тем, чтобы овладеть ею или войти в нее глубже и сильнее. Джек вел себя так, даже когда она была беременна, что иногда вызывало у нее страх, но все как-то обошлось. Врачу она постеснялась тогда сказать о своих опасениях.

Теперь Джек привлек ее к себе, терся об нее, кусал ее нижнюю губу. Потом он на мгновение оторвался и заметил:

– Знаешь, я все-таки рад, что заехал домой. Это лучше ленча в городе.

Джейн рассмеялась, но глаза ее в этот день не улыбались. Джек схватил ее за руку и повел по коридору в спальню, которая находилась в дальнем конце дома. Он сам так спланировал, и Джейн порой думала, что муж так сделал, чтобы дети не слышали звуков, долетавших из спальни родителей.

Когда они вошли в спальню, Джек захлопнул дверь и закрыл ее на ключ. Он никогда не опускал на окнах жалюзи; впрочем, дети и так не могли бы ничего увидеть, находясь в бассейне, да и Джейн с радостью отвела взгляд на деревья, когда он грубо опрокинул ее на пол и сдернул с нее купальник. Расстегнув лишь «молнию» на брюках, он безо всяких прелюдий, без ласк вошел в нее. Руками он, как всегда, грубо мял ей груди, а потом стал кусать соски. Случалось, он кусал их до крови, но на этот раз только теребил, пока Джейн сама не возбудилась и не стала тихо стонать в его руках. Затем, к ее удивлению, он отстранился, некоторое время ласкал ее губами, после чего обеими руками широко развел ей ноги и снова вошел, на этот раз окончательно; издал громкий крик, потом длинный мягкий стон и затих на ней. Удовлетворенный, довольный собой, он напоследок касался пальцами груди жены и не видел слез, которые медленно текли из ее глаз.

Глава 5

Джейн вошла в знакомый съемочный павильон с тяжелым чувством. Она видела лица хорошо ей знакомых плотников, звукооператоров, осветителей, с которыми работала годами. Все они были ей дороги. Она пекла для них печенье, приносила пирожные, вязала какие-то вещицы для их детей. Она любила их всех и нуждалась в них. Нуждалась, потому что чувствовала себя с ними хорошо. Они были ее семьей, как и ее дети. Эти люди были ее единственными друзьями, а теперь она их теряла.

Атмосфера была мрачной, никто в этот день ее не приветствовал. Все знали, что грядет. Жертвы были уже предупреждены. Джейн пришлось подавлять слезы, когда с ней говорил режиссер. Он описал сцену, рассказал о предстоящей «автокатастрофе» и ни словом не обмолвился, как поступает с ней в реальной жизни, что отнимает у нее роль, которую она лелеяла на протяжении десяти

лет. В самом деле, это был первый день ее одиннадцатого сезона работы в сериале. Первый и последний. Джейн даже не хотела вспоминать, как все начиналось. Мысленное возвращение к тем дням было для нее невыносимо.

Она пошла наверх, в свою гримерную, и собрала в привезенный чемодан вещи: четыре черных парика, свитер, спортивный костюм, шорты, которые иногда надевала в перерывах, пару тапочек и несметное количество баночек с гримом и бутылочек с лаком для ногтей. Все это она паковала, а сама молилась, чтобы сыграть последнюю сцену и не впасть в истерику. Джейн знала, в какой шок сцена повергнет телезрителей, и, как и Лу, считала, что режиссер совершает большую ошибку. Но слово было сказано: к Рождеству все старые персонажи должны уйти.

Когда Джейн спустилась, штативы были на своих местах, с ними возились осветители. Джейн вдруг возненавидела эти штативы. Она хотела бы стоять здесь подобно им или любым другим предметам... Она чувствовала, что впервые оставляет дом. Легче было покинуть Буффало, чем этот сериал.

На площадке уже находился человек двадцать пять, декорации были установлены, но, казалось, прошла целая вечность, пока зазвучал сигнал предупреждения, во избежание лишнего шума были выключены кондиционеры, и загорелась надпись, сообщающая, что сериал вышел в эфир.

Сцена получилась еще более кошмарной, чем Джейн опасалась, и когда камера крупно брала ее лицо в момент роковой «автокатастрофы», ее слезы были неподдельными, как и последний ужасный крик. В момент выхода из эфира Джейн потеряла сознание.

Режиссер куда-то пропал, а остальные члены группы проводили ее в гримерную. Прощальной вечеринки не было. Были прощальные слезы, объятия и обещания не терять контакта. Потом Джейн медленно отъехала на своем «мерседесе»-универсале со стоянки, и всю дорогу до дома плакала, пытаясь в то же время сочинить правдоподобную «больничную» историю, которая оправдывала бы в глазах семьи ее вид. Дома ее ждали цветы от Лу, и никого из родных, к счастью, не было. Джейсон жил в Санта-Барбаре в общежитии, а девочки задержались в школе – у них была тренировка. Даже Джек дал супруге передышку: позвонил и сообщил, что ввиду незапланированной встречи вернется домой только в девять.

Джейн несколько часов кряду лежала на кровати, плакала и даже ни разу за весь вечер не подошла к телефону. Ей ни с кем не хотелось говорить. Ее жизнь в сериале отошла в прошлое, карьера окончательно завершилась, именно так, как того хотел Джек много лет назад, грядущая же жизнь представлялась ей совершенно бесцветной, более бесцветной, чем когда-либо. К счастью, она, одетая, спала, когда вернулся Джек. Он в этот вечер слишком много выпил и отключился, не успев приступить к ночному сексуальному ритуалу со своей женой. Джек так и оставил ее, одетую, надломленную и измученную перипетиями дня. Он понятия не имел, что она переживала, что делала на протяжении последних десяти лет или даже кем была.

Глава 6

К четырем часам дня Билл Уорвик уже довольно изрядно устал от обслуживания клиентов в баре «У Майка». Наступило некоторое затишье, посетители были только за стойкой бара или играли в пул. Билл болтал с Адамом, когда раздался телефонный звонок.

– Это тебя.

Билл, удивленный, взял у Адама трубку и вдруг подумал, не Сэнди ли это. Он не мог вспомнить, говорил ей или нет, что собирается здесь работать. Вообще он весь день за нее очень беспокоился. Но это была не Сэнди. Это был Гарри, его агент.

– Привет, старина.

– Как ты меня здесь нашел?

– Твой автоответчик сообщил мне этот номер. Где ты сейчас?

Билл запомнил, что все-таки записал телефон бара на автоответчике.

– Работаю для разнообразия. Официантом в моем любимом баре.

- Скажи им, что больше работать не будешь.

- А почему? Для меня есть главная роль в фильме? - пошутил Билл, присаживаясь за стойку бара.

- Ты не будешь против нового сериала Мела Векслера?..

Наступила пауза. Билл уставился в пространство, задавая себе вопрос, не ждет ли его очередное разочарование.

- ...Он сейчас подбирает к нему состав. Сериал должен получиться мощный, крутой. Я услышал о нем на прошлой неделе и узнал, что Векслер ищет парня твоих лет. Мы послали ему твой ролик, и он хочет с тобой увидеться.

Билл присвистнул и с ухмылкой посмотрел на Адама.

- Думаешь, у меня есть шансы?

Он не решался тешить себя надеждой: уже построил столько воздушных замков, и все они рухнули, - но, может, на этот раз... в этом и состояла прелесть профессии. Всегда была надежда, всегда имелся еще один шанс.

- Я думаю, у тебя неплохие шансы. Он хочет увидеться с тобой завтра в десять утра. У меня есть экземпляр сценария. Ознакомься с ним сегодня вечером. Ручаюсь, старик, что он тебе понравится. Можешь зайти за ним ко мне в офис?

- Я работаю до десяти. Можно взять его у тебя дома?

- По пути домой я его оставлю у тебя. Только обещай мне, что прочтешь. Меня не касается, что сегодня вытворит Сэнди. Закройся в ванной и прочти.

- Прочту, прочту. Можешь не уговаривать.

- Хорошо. И позвони мне после встречи с ним.

- Позвоню.

Билл с мальчишеской улыбкой повесил трубку. У него был довольный вид. Адам усмехнулся:

– Что-то новое?

– Это был мой агент.

– Я так и понял.

Он даже не решился рассказывать своему другу о сериале Векслера: кто-то из парней в баре мог услышать и тоже попытаться счастья, а Билл не хотел упускать эту роль. На протяжении следующих шести часов он летал как на крыльях и, вернувшись в одиннадцать домой, даже не чувствовал усталости. Когда он открывал дверь, на мгновение испытал страх, что Сэнди может быть в плохом состоянии и закатит сцену. Билл хотел спокойно почитать сценарий, который Гарри оставил ему в почтовом ящике, как и обещал. Дома было пусто, его ждал только сенбернар Берни. Билл выпустил собаку в сад, положил ей в миску объедки, принесенные из бара, налил себе пива из холодильника и уселся читать сценарий. Он все еще беспокоился за Сэнди, но почувствовал облегчение, не застав ее дома. Ему просто не хотелось иметь дела с ее проблемами – во всяком случае, в этот вечер. Он хотел прочесть сценарий и подготовиться к встрече с Мелом Векслером.

Когда Билл закончил, был час ночи. Сердце у него учащенно билось от волнения. Роль была самой лучшей из тех, что ему приходилось читать, и словно специально для него создана. Он знал, что мог бы блестяще справиться с этой работой, если бы только удалось убедить Векслера. Уснуть в эту ночь Билл не мог. Он лежал и все думал о сценарии и о том, какой сериал из него получится. Ему ужасно хотелось бы испытать в нем себя. В четыре утра Биллу показалось, что на улице раздался шум. Он подумал, что это вернулась Сэнди, но ошибся. Вероятно, это енот рыскал по мусорным бакам в поисках пищи. Сэнди в ту ночь так и не пришла домой, и беспокойство не покидало Билла, когда утром он брился. Жизнь без нее была намного проще, но не становилась от этого веселее. Билл вспоминал, как много их объединяло раньше, и представлял, каким мог бы быть их брак. Он не хотел верить, что их союз был обречен с самого начала. В памяти всплывал их медовый месяц в Мауна-Кеа на Гавайях: Сэнди была тогда с ним такой ласковой. Она всегда была к нему ласкова, но это не компенсировало более то страдание, которое причиняла ему. Однако теперь Билл не мог себе позволить размышлять ни о хороших временах, ни о плохих. Он должен был

полностью сосредоточиться на встрече с Мелом Векслером и думать только об этом.

На остановке и в автобусе Билл снова думал о сценарии, и дорога в офис Векслера в Бербанке совсем не показалась ему долгой. От волнения у него перехватило дыхание, когда он подошел к воротам и назвал охраннику свою фамилию. Его ожидали, охранник указал, куда ему идти. Билл пересек стоянку, вошел в одно из зданий, прошел холл и оказался в приемной, где сидели четыре секретарши, а одна из стен была заставлена книгами и увешана картинами. Билл назвал себя, ему предложили сесть, а он вдруг задался вопросом, зачем сюда пришел, – ведь его никогда не утвердят на роль. У него был слишком большой перерыв в работе, к тому же он, может, вообще с ней не справится.

– Мистер Уорвик! – позвали его, когда он как раз решил, что все-таки не надо было приходить.

Билл поднялся, чувствуя себя словно школьник у дверей кабинета директора, но его страхи рассеялись, едва он переступил порог святилища Мела Векслера. Тот встал из-за письменного стола и с доброй улыбкой протянул Биллу руку, внимательно изучая его своими искристыми голубыми глазами.

– Привет, Билл. Спасибо, что пришел...

Билл подумал, не шутит ли Векслер. Ведь он пришел бы сюда даже по битому стеклу и ржавым гвоздям.

– Мне понравился твой ролик.

– Спасибо.

У Билла вдруг отнялся язык, он не знал, что сказать, но Мел его выручил:

– Ты прочел сценарий?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ЛАКУ – Лос-Анджелесский калифорнийский университет. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Пул – разновидность бильярда.

3

Метадон – препарат, используемый при лечении наркомании.

Купить: <https://telnovel.com/daniela-stil/sekrety>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)